

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВАДИМ ПРОСКУРИН

УРАГАН
МЫСЛИ

Вадим Геннадьевич Проскурин

Ураган мысли

OCR BiblioNet

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124620

Проскурин В.Г. Ураган мысли: Фантастический роман: АРМАДА:

«Издательство Альфа-книга»; М.; 2005

ISBN 5-93556-474-2

Аннотация

Однажды в мире появилась компьютерная программа, изменяющая сознание людей. Человек, столкнувшийся с этой программой, получал полный контроль над разумом и эмоциями, а моторные навыки, выработанные в компьютерных играх, становились применимы и в реальности. Люди стали умнее, но не стали добрее, и зло, скопившееся на дне души обывателя, выплеснулось наружу. Это было похоже на армагеддон.

Прошло несколько лет. Лорд Рэйзор, один из четырех властителей клана Сакура, кажется, получил шанс все изменить...

Содержание

ТО, ЧТО НЕ ДОЛЖНО ПРОИСХОДИТЬ	4
Глава первая, в которой я совершаю убийство	4
Глава вторая, в которой я совершаю мелкое хулиганство	24
Глава третья, в которой я напиваюсь до потери памяти	38
Глава четвертая, в которой я совершаю доброе дело	62
Глава пятая, в которой я делаю деньги из ничего	86
Глава шестая, в которой почти ничего не происходит	99
Глава седьмая, в которой у меня возникают проблемы с законом	112
Глава восьмая, в которой я много путешествую	131
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Вадим Проскурин

Ураган мысли

Все физические и юридические лица, упомянутые в тексте, вымышлены от начала до конца. Описания хакерской деятельности имеют примерно такой же уровень достоверности, как и воссоздание работы спецслужб в романах о Джеймсе Бонде. Мнение персонажей не всегда совпадает с мнением автора.

ТО, ЧТО НЕ ДОЛЖНО ПРОИСХОДИТЬ

*Безумно... но такова жизнь.
Оззи Осборн*

Глава первая, в которой я совершаю убийство

Я вышел из дома и стал выбирать маршрут. Это заняло непривычно много времени – почти десять секунд. Я, как дурак, стоял у подъезда и ждал, пока мой компьютер решит, как мне лучше ехать – на трех автобусах или на двух авто-

бусах и метро. Компьютер выбрал три автобуса и посоветовал поторопиться – первый должен был вот-вот подойти. Я ускорил шаг, а последние десять метров даже пробежал – лучше немного напрячься, чем полчаса стоять на остановке, ожидая следующего автобуса. Впрочем, в этом случае компьютер наверняка посоветовал бы переключиться на второй вариант.

Я сунул студенческий проездной в щель турникета и вошел в автобус. Как ни странно, были свободные места. Наверное, где-нибудь в трех-четырех кварталах отсюда произошла авария, резко изменившая картину транспортных потоков, и этот рейс, ранее бывший неудобным, резко повысил свой статус. Видимо, этим и объясняется повышенная задумчивость компьютера. Еще можно сделать вывод, что ехать я буду долго. Ну и хрен с ним.

Я сел, хотел было почитать, но передумал и уставился в окно. Автобус проехал метров пятьдесят и уткнулся в пробку. Транспортные пробки – вечная проблема в Москве. Непрерывно строится метро, светофоры постепенно заменяются многоуровневыми развязками, но ничего не меняется. Двенадцать лет назад ввели лицензирование личного автотранспорта, но это тоже ничего не изменило. Если бы не это лицензирование, папа купил бы мне машину, конечно, не «Мерседес-300» с электродистанционной системой управления, как у себя, а какую-нибудь развалюху без автопилота лет пятнадцати от роду. Папа начинал с «шестерки» и до сих

пор считает, что первая машина должна быть похожа на ведро с гайками. А еще он считает, что в мои восемнадцать лет можно начинать зарабатывать деньги самостоятельно. В общем-то он прав, но учиться и работать одновременно очень неудобно, а когда семья не бедствует и нет прямой необходимости в моем личном заработке – просто глупо. Это все американские идеи, которых он нахватался в полете (папа произносит это слово очень значительно – ПОЛЕТ).

Мой папа – бывший космонавт. Он не любит этой формулировки, говорит, что космонавты не бывают бывшими, но он летал в космос последний раз еще до моего рождения. Папа был бортинженером в первой экспедиции на Марс. Когда я был маленьким, то очень этим гордился, и почти все товарищи по детскому саду мне завидовали. В пять лет я даже дал интервью какому-то журналисту. Ничего дельного, естественно, не сказал, только перечислил свои любимые сказки, подтвердил, что люблю маму и папу, и прочитал стишок про бычка. Сам я всего этого не помню, но мама очень любит вспоминать тот случай.

Сейчас то, что я – сын космонавта, вызывает только вежливый интерес. Прошло почти двадцать лет, на Марс летали вторая и третья экспедиции, ничего интересного там так и не нашли, и оказалось, что Марс никому не нужен. Папа потом летал еще один раз, но это был обычный рейс «Юрия Гагарина» на МКС-6. А потом врачи обнаружили у папы в организме что-то совсем не опасное, но не позволяющее летать

в космос. С тех пор он читает лекции в Звездном Городке, и, судя по тому, что ему доверяют только первый и второй курс, читает их не очень хорошо. Но зарплату и пенсию платят вовремя, а больше нам ничего не нужно. Мама говорит, что одно время папа много пил, а потом перестал. Теперь он почти все время живет на даче, пытается вывести новый сорт каких-то цветов с непроизносимым названием. Почти половина его зарплаты уходит генетическим лабораториям, но мы все равно не бедствуем.

Автобус проехал-таки перекресток и разогнался до 80 км/ч. Те участки дороги, которые каким-то чудом не забиты транспортом, надо проезжать как можно быстрее, это естественно. Я поправил галстук. Лет десять назад вернулась мода на строгие костюмы, мне она очень не нравится, но ничего не поделаешь. Если я приду к Маринке в потрепанном джинсовом костюме, как папа раньше приходил к маме, Маринка просто обидится – сейчас в джинсах по городу ходит только шпана. Вот и приходится терпеть неудобства.

Я зевнул, отвернулся от окна и мысленно обратился к компьютеру. Перед глазами появилась раскрытая книга, невидимая ни для кого, кроме меня. «Дело об исчезнувшем дьяволе». Несмотря на идиотское название, вполне читаемая.

Я добрался до дома Маринки только через полтора часа. Пришлось даже позвонить ей (то есть связаться через компьютер), предупредить, что задерживаюсь. Я подошел к подъезду и прислонил большой палец к сканеру. Домофон сообщил, что я имею гостевой доступ в квартиру № 256, и я вошел в подъезд, расписанный местными наркоманами сверху донизу.

Я поднялся на 32-й этаж, позвонил в дверь, дождался, пока Маринка ее откроет, и вручил ей цветы, которые купил, пока ждал третий автобус. Пять обычных трансгенных роз, по червонцу цветок. Главное достоинство в том, что отличить их от натуральных аналогов, стоящих вдесятеро дороже, может только специалист. Маринка сразу догадалась о происхождении цветов, но не подала вида, а довольно натурально изобразила смущение от дорогого подарка и даже чмокнула меня в щеку. Я обнял ее за талию и поцеловал в губы. Она вырвалась и убежала на кухню доделывать какое-то свежеприготовленное блюдо. Интересно, почему девушки так стремятся показать всем, что они хорошие хозяйки, особенно если в доме есть кухонный комбайн полного цикла? Я бы предпочел обойтись пиццей с пивом, но сегодня придется есть многочисленные салаты, приготовленные одним нажатием кнопки.

Мы с Маринкой знакомы уже больше года, столько времени мы учимся в одной группе на ВМК МГУ. Если кто не знает, ВМК означает Высшая Математика и Кибернетика. Говорят, пятнадцать лет назад это был самый популярный факультет МГУ, теперь он сдал лидерство биофаку.

В прошлом году, когда я окончил школу, папа хотел, чтобы я поступил в летное училище – большинство родителей хотят, чтобы дети повторили их судьбу. А я не хотел быть летчиком или космонавтом, я хотел быть хакером. Сейчас, когда я лично знаком стремя настоящими хакерами, понимаю, как много было в этом желании от наивных мечтаний неоперившегося юнца, но тогда все было очень серьезно. Мы с папой долго и сильно ругались, папа все-таки заставил меня подать документы в училище имени Чкалова, но, к счастью, медкомиссия оказалась на моей стороне. Моя нервная система совершенно не поддается внешнему управлению. В этом нет ничего плохого, это даже необходимое условие для поступления, например, в училище спецназа имени адмирала Мазура, но пилотировать самолет, а тем более космический корабль, с такой нервной системой нельзя.

Когда мы познакомились с Маринкой, она сразу мне понравилась. Нельзя сказать, что она произвела неизгладимое впечатление, ни в ее лице, ни в фигуре, ни в поведении нет ничего примечательного. Милая девочка небольшого роста с неяркой, но ладной фигуркой, тихим голоском и очень-очень обаятельной улыбкой. Неглупая, но и не блещущая

особо большим умом. Не страшная, но и не красавица. Просто очень милая и обаятельная молодая девушка.

Пока учились на первом курсе, мы почти не общались – было не до того. Конечно, можно учиться в университете, посещая менее четверти всех занятий и вообще не делая домашних заданий, но я никогда не любил быть троечником. И еще мне не нравится, что при таком образе жизни вероятность быть отчисленным с первой сессии составляет около двадцати процентов. Немного, но лучше снизить ее почти до нуля.

Весь первый семестр я посещал почти все занятия по всем предметам, кроме истории Российского государства. На этой истории я чуть и не погорел. Старый маразматик с удивительно подходящей к его предмету фамилией Бухарин на первом же занятии потребовал конспектировать труды российских исторических деятелей, первоисточники, как он их называл, причем конспектировать рукописным способом. В эпоху телепатической связи с компьютерами, когда даже набивать текст на клавиатуре большинству людей кажется утомительным, переписывать от руки целые страницы из книги в тетрадь кажется не просто маразмом, а непроходимой глупостью. Однако в декабре все мои однокурсники, матерясь, отрабатывали рукописный почерк. Не избежал этой участи и я, но я подошел к решению задачи творчески. Во-первых, я писал конспект умышленно плохим почерком. Во-вторых, я оформил его так, чтобы трудно было понять, где текст, а

где заголовок. И, в-третьих, текст в моих конспектах нигде не соответствовал оригиналу. Если взять какой-нибудь труд Сталина и везде заменить слово «социализм» на слова «вертикаль власти», получается текст, отдаленно похожий на речи нашего президента. А труды коммунистов, как ни странно, гораздо легче найти в Интернете, чем какие-либо еще социологические материалы. Всего за четыре дня я исписал около тридцати страниц (вместо 100-150 в других конспектах) и сдал зачет в числе первых. Больше обмануть Бухарина никому не удалось. Он пресекал попытки выдать чужой конспект за свой, подsunуть вместо рукописного текста распечатку шрифтом script и уж тем более прийти на зачет с половиной конспектов. Все мне завидовали, но повторить мой опыт или взять у меня конспект никто не решился.

Первая сессия прошла, учиться стало не то чтобы проще, но привычнее, и оказалось, что после учебы остается немало свободного времени. Многие мои однокурсники устроились работать, я же решил, что отвечать на письма и звонки потенциальных клиентов во второсортной торговой фирме или, тем более, продавать пирожки на улице – занятие не для меня. А серьезную работу первокурснику никто не предложит. Я стал проводить много времени с двумя одногруппниками – Егором и Пашкой. Батя Егора был полковником ФСБ, отец Пашки – бизнесменом средней руки. У обоих водились карманные деньги, и оба не хотели работать по той же причине, что и я. Мы пили пиво и играли в преферанс и

белот. Во всех трех занятиях я заметно уступал своим друзьям, и через пару месяцев мне стало с ними скучно, как и им со мной. Потом Пашка завел себе девушку, бабу, как он говорит, и практически откололся от нашей компании. Еще какое-то время мы с Егором развлекались питием пива с последующей культурной программой в виде совместного заигрывания в Master of Orion VIII или Су-77, а потом наступила вторая сессия, которая сдалась куда проще первой. Лето я провел на даче, изнывая от скуки, и к концу августа это чувство стало у меня доминирующим. Именно от скуки я пару недель назад начал клеиться к Маринке, и сегодня дело, кажется, подошло к логическому завершению.

* * *

Оказывается, Маринка неплохо готовит. Конечно, большую часть работы проделал кухонный комбайн, однако запрограммировать его так, чтобы получившаяся еда была не только съедобной и вкусной, но и оригинальной, – целое искусство. Салатов, к счастью, оказалось всего два, а на горячее была пицца, причем не стандартный полуфабрикат, а настоящая домашняя, собственнореприготовленная. Из напитков присутствовал светлый «Старопрамен», я бы предпочел темного «Афанасия», но и «Старопрамен» я могу пить без отвращения.

Разговор не клеился, как оно обычно бывает в таких слу-

чаях. Мы давно знакомы, но наше знакомство до последнего времени не выходило за пределы совместного посещения лекций и семинаров да обсуждения трудностей сдачи очередного зачета очередному препода. Говорить об учебе как-то глупо. Поболтать о личных интересах друг друга? Вряд ли Маринку развлечет история о том, как я, перебрав у Егора, позвонил домой предупредить, что задерживаюсь, и проблевался, можно сказать, в прямом эфире. А какие интересы у Маринки – я, честно говоря, вовсе не знаю. Проще всего было бы сразу отправиться в постель, собственно, за этим я сюда и приехал, и по Маринке видно, что она не против, но ритуал есть ритуал. Я не стремлюсь быть похожим на поручика Ржевского, а она не хочет быть похожа на девку с Тверской, вроде той, которая месяц назад лишила меня невинности и вроде бы (тьфу-тьфу-тьфу) ничем не заразила.

Короче говоря, мы сосредоточенно пережевывали пищу, запивая ее пивом, и говорили о разных пустяках вроде того, что погода сегодня ничего, что скоро около этого дома построят очередную пятьсот какую-то станцию московского метро и что Маринка хотела бы завести собаку, но с ней некому гулять, в общем, как говорят американцы, бла-бла-бла.

Доев пищу, я придвинулся к Маринке и, как бы невзначай, обнял ее за плечи. Она не оттолкнула меня и даже не вздрогнула, она по-прежнему сидела с задумчивым видом, разглядывая полупустой стакан «Старопрамена». Я погла-

дил ее по дальнему от меня плечу, наклонился и поцеловал в то место, где ближнее ко мне плечо переходит в шею. Она слегка вздрогнула и повернула голову, чтобы мне было удобнее. Я несколько раз поцеловал ее в то же место, потом, набравшись смелости, повернул ее голову к себе и поцеловал Маринку в губы. Маринка ответила на поцелуй, и мне показалось, что она целуется более умело, чем я. Через некоторое время (трудно точно сказать, сколько его прошло) я набрался наглости поласкать грудь моей подруги. Она отстранилась (сейчас выгонит, подумал я), посмотрела мне в глаза и лаконично сказала:

– Пошли!

И мы пошли в спальню. Маринка разбирала диван, а я, совсем осмелев и чуточку обшвдев, любовался видом подруги сзади и время от времени поглаживал ее по заднему месту, не забывая при этом говорить комплименты.

Маринка вскоре управилась с диваном, обернулась, подошла, обхватила меня руками за шею, откинула голову назад, прелестно взмахнув гривой длинных и густых волос, и сказала:

– Ты очень милый, только слишком стеснительный.

Я покраснел. Маринка рассмеялась и прижалась ко мне, прогнув спину, как кошка. Мы снова целовались, и мои руки бродили по ее телу. Когда наши губы наконец разъединились, она спросила:

– Ты как предпочитаешь предохраняться?

– Против презерватива не возражаю, – ответил я, опять смутившись, но стараясь этого не показывать. Если твой сексуальный опыт измеряется одним разом (виртуальный секс не в счет), о предпочтениях говорить не приходится. Это просто некорректно с математической точки зрения.

– А справка у тебя есть? – спросила Маринка как бы в шутку, но ясно было, что она не шутит. Неудивительно, пусть вакцина от СПИДа существует уже много лет, и говорят, что где-то в Японии испытывается вакцина от R2, но от R3, а тем более от R4, нет ни вакцин, ни лекарств. Приходится остерегаться.

– Конечно, – сказал я. – Показать? Маринка рассмеялась:

– Не надо, я тебе верю. Если хочешь, можешь не пользоваться презервативом, и не волнуйся насчет меня, у меня обратимая стерильность.

Дальше все прошло самым наилучшим образом. Вопреки затаенным опасениям, я оказался на высоте, а Маринка, пусть и не кончила, но осталась довольной. Потом мы долго валялись в постели, пили пиво, разговаривали о пустяках, но это уже не напрягало, я даже рассказал ей, как звонил домой от Егора, а она только рассмеялась и тут же рассказала мне, как перебрала на дне рождения подружки и провела полночи в ванной над тазиком. Потом наступило время второго раза, потом мы сидели на кухне, и в одиннадцатом часу вечера я поехал домой. На прощанье Маринка крепко поцеловала меня и сказала, что день прошел прекрасно. Презервативом,

кстати, я так и не воспользовался.

* * *

Я вышел на улицу в самом радужном настроении. То, что только что произошло, нельзя даже сравнивать с моим первым сексуальным опытом. И почему, интересно, проститутки пользуются таким спросом?

Я взял в ларьке бутылку пива, и в этот момент компьютер сообщил, что до прибытия автобуса остается менее двух минут. Поспешно открыв пиво, я бегом припустил к остановке, стараясь не облиться, и успел-таки на автобус.

Не помню, о чем я думал, пока ехал домой. Скорее всего, ни о чем. Мозг радостно перебирал воспоминания прошедшего дня и не испытывал нужды в каких-то там мыслях. Пиво быстро убывало, ночной пейзаж за окном действовал усыпляюще, потом пиво закончилось, и я задремал.

Меня разбудили громкие мужские голоса. Я оглянулся и увидел, что заднюю часть автобуса оккупировали человек восемь молодых людей примерно моего возраста. Спортивные костюмы, бритые головы, зрачки как точки. Интересно, как героиновые наркоманы видят в темноте с такими зрачками? Я отвернулся к окну, и это было моей ошибкой.

Пару остановок молодые люди громогласно и неразборчиво разговаривали о чем-то веселом. Потом двое совершили путешествие к кабине водителя и обратно, пошатываясь и

задевая пассажиров, которые упорно не замечали расшалившуюся молодежь. Скорее всего, никто из них даже не вызвал милицию. Затем внимание молодежи привлек я.

На сиденье рядом со мной шлепнулся небритый полнова-
тый юноша лет двадцати в грязно-серой куртке и с блатными
татуировками на руках. Когда он повернулся ко мне, пахну-
ло нечищеными зубами. Он спросил:

– Слушай, б@#, пацан, а вот этот, на х@#, пиджак на тебе,
он, б@#, дорого стоит?

Я мысленно обругал себя за то, что не связался с милици-
ей, понадеявшись на бабок, которых ехало в автобусе целых
трое, и все три внимательно смотрели в окно. Я попытался
сделать вызов сейчас и получил несильный, но чертовски бо-
лезненный тычок в печень.

– Давай, давай, му@#, – радостно ощерился небритый.

Я понял, что у кого-то из них есть глушилка радиосигна-
лов. А значит, это не просто обдолбанные хулиганы. Это об-
долбанные бандиты.

Я сидел молча и не знал, что делать. Радостное настроение
моментально улетучилось. Драться? Один против восьми –
без шансов. Звать на помощь? Кто тут поможет? Впереди
наблюдалось двое крепких мужиков, но связываться с такой
толпой они не станут. Я впал в полнейшую прострацию.

На сиденье передо мной плюхнулись еще двое гопников –
один по виду мой ровесник, приплюснутые уши выдавали в
нем боксера, причем не любителя виртуальных единоборств,

а самого натурального боксера, отточившего навыки мордобоя в ободранном спортзале заплыванной и загаженной школы одного из районов муниципальной застройки. Второму было от силы лет четырнадцать – маленького роста, бело-брысый, с маленькими бесцветными глазками, он явно испытывал наслаждение от нового для себя зрелища. В таком возрасте оч-чень интересно наблюдать, как старшие друзья собираются бить мажора-ботаника.

Маленький смотрел на меня с любопытством, боксер – презрительно. Внезапно толстая рука с мягкими пальцами ухватила мое ухо и повернула мою голову направо, к бандиту, который уже с полминуты вещал нечто нецензурное. Вторая рука схватила меня за нос и начала его мотать из стороны в сторону. Сидящие передо мной заржали.

Я не понимал, что на меня нашло. Вместо того чтобы начать орать, звать на помощь, давить на психику, размахивать руками, вспомнить, в конце концов, опыт виртуальных по-боищ «Мортал комбата», я неподвижно сидел, как пришиб-ленный, и не только ничего не делал с издевающимися надо мной хулиганами, но и не хотел ничего делать. Мне казалось, что все происходит не со мной, а в каком-то другом мире, и я смотрю в этот мир через виртуальный экран моего компьютера с отстраненным интересом, как в фильм, и никто, кроме меня, не видит того, что происходит.

Тем временем толстый сгреб мои волосы, встал и от души ударил меня между скулой и челюстью. Я упал на сиденье, и

непонятное оупение перешло в следующую стадию. Я пристально посмотрел в героиновые глаза и сделал что-то, пока непонятное мне самому. Человек в грязно-серой куртке уменьшился, отдалился и через считанные мгновения схлопнулся, как будто камера, через которую я смотрел фильм из другого мира, быстро и резко отъехала назад, да так далеко, что кадр фильма превратился в точку, которая исчезла. Я перевел взгляд на боксера, его глаза были широко раскрыты, нижняя челюсть медленно, как в замедленной съемке, отпадала вниз. Я сделал то же самое, мне показалось, что в моем черепе между полушариями мозга включился насос (или, наоборот, брандспойт?), который выбросил или всосал что-то плотно-жидкое, ядовито-белесое и в то же время нематериальное. Когда нематериальная жижа достигла боксера (снаружи или изнутри, спереди или сзади – я не понимал, и это было не важно), словно незримая пелена отделила его тренированное тело от окружающего мира. Его подернула рябь, потом оно тоже уменьшилось, отдалилось и схлопнулось. Рот боксера успел раскрыться в беззвучном крике. И еще я заметил, что через этот раскрытый рот нечетко, как через матовое стекло, стала видна передняя часть автобуса. Я повернулся к малолетнему ублюдку, тот успел вскочить и отпрыгнуть на шаг назад, но не закричал, наверное, подумал, что это «западло». Зря. Я в третий раз включил свой нематериальный насос, движение мальчика ускорилось, и его не стало.

Я обернулся. Бандиты (их осталось шесть, а не пять, как мне показалось вначале) сидели, сложив руки на коленях, и смотрели на меня, как прилежные ученики-первоклассники на новую учительницу. У тощего парня лет семнадцати с длинными волосами и жидкими усиками выпала изо рта сигарета, и сейчас его синтетическая куртка начинала тлеть, но этого никто не замечал, даже хозяин куртки. Я оглянулся назад, на мгновение перестав верить в то, что только что удалил из бытия (да чего уж там – убил!) трех человек. Мне показалось, что эта троица стоит сзади меня, копит злобу и готовится ударить. Но сзади никого из тех троих не было, ближайšie люди сидели метрах в шести и пристально смотрели в окна. Никто из них ничего не заметил. Я повернулся обратно, притихшие хулиганы все так же неподвижно сидели в прежних позах. Насос в моей голове вяло шевельнулся, но я не поддержал его движение. Я колебался, левое полушарие моего мозга, где, как говорят, рождается все, что выразимо словами, будто бы умерло, а в правом прыгали, словно теннисные мячики, какие-то мысли/желания/эмоции, которые нельзя описать словами по определению.

В этот момент автобус остановился, двери открылись, и я вышел в темноту.

* * *

Автобус уехал. Пассажиры проводили меня любопытны-

ми взглядами, хулиганы – все теми же неподвижными. Я стоял на совершенно незнакомой мне остановке на совершенно незнакомой улице и не знал, что делать. Провел рукой по лицу – ничего не сломано, а значит, серьезных повреждений нет. Начал формироваться синяк, но через час он рассосется, так и не успев проявиться во всей красе. Все-таки хорошая вещь – генная инженерия: простейшая генетическая коррекция, и все мелкие ссадины, синяки и царапины заживают как на собаке. Мне сделали эту коррекцию в семь лет, как и большинству мальчиков. Помню, как папа удивлялся ее эффекту и говорил, что, когда он был маленьким, такого не было, и мальчики вели себя прилично, потому что боялись, что им попадет за синяки от родителей. А теперь, сокрушался папа, дети могут ходить хоть на голове, и родители не узнают об этом, пока ребенок не сломает шею. Я тогда поинтересовался, как можно ходить на голове, и папа начал мне объяснять, что такое поговорки.

Сейчас я подумал, что папа был прав. Если бы мое тело оставалось неизменным с момента рождения, я бы вернулся домой с таким фонарем под глазом, что вряд ли удалось бы отделаться сказкой вроде поскользнулся-упал-очнулся-гипс.

Как бы то ни было, сейчас можно вернуться домой, не опасаясь, что мой внешний вид вызовет у мамы истерику. Я запросил у компьютера оптимальный маршрут до дома. Он предложил либо подождать от 22 до 28 минут на остановке, либо двигаться ориентировочно 36 минут в северозапад-

ном направлении (перед глазами появилась светящаяся линия, указывающая, куда идти) и там сесть на автобус другого маршрута, который довезет меня до места назначения на три минуты быстрее. Вторым вариантом мне понравился больше. Я запоздало подумал, что сегодняшнее происшествие, вероятно, совсем скоро привлечет внимание московской милиции, а может быть, и ФСБ. Меня будут долго и упорно искать, а когда найдут, начнут исследовать. Их, наверное, заинтересует, как я делаю то, что я делаю, меня запрут в какой-нибудь подземной засекреченной лаборатории, будут снимать энцефалограммы, томограммы и хрен знает какие еще граммы. Я подумал, что вряд ли меня когда-нибудь выпустят из такой лаборатории, и мне стало нехорошо. Потом я вспомнил старый, еще двумерный, фильм про девочку, воспламеняющую взглядом, и мне стало совсем плохо.

Я затравленно оглянулся и, как и следовало ожидать, не обнаружил ничего подозрительного. Внезапно я ощутил, что отупение прошло и адреналин хлынул в кровь бурлящим потоком. Меня затрясло, я даже пожалел, что не курю (когда я выпью, то иногда покуриваю, но сигарет с собой не ношу). Одновременно я ощутил сухость в глотке. Знаю, со стороны это выглядит глупо, но всегда, когда я испытываю сильное нервное потрясение, мне жутко хочется выпить. Если провести аналогию между мозгом и компьютером, можно сказать, что, когда операционная система перегружена и вот-вот подвиснет, ей очень хочется перезагрузиться. А мозгу в

аналогичной ситуации хочется нажать на кнопку shutdown, которая у людей расположена в желудке и нажимается внушительной дозой алкоголя. Я запросил у компьютера местонахождение ближайшего ларька и целеустремленно двинулся вдоль линии, заботливо выведенной компьютером на мой виртуальный дисплей. Поразмышлять о том, как жить дальше, можно и потом.

Глава вторая, в которой я совершаю мелкое хулиганство

Понедельник – день тяжелый, особенно когда первая пара в понедельник – лекция по матану. Матан – это математический анализ. Глупое, ничего не объясняющее название, весь мир называет это *calculus*, то есть исчисление, и пусть этот термин тоже ничего не объясняет, он, по крайней мере, лаконичнее и изящнее.

В лекции по матану на первый взгляд нет ничего тяжелого, как и в любой другой лекции в наш просвещенный век. Сидишь в зале, лектор ходит взад-вперед у доски, которая правильно называется «проекционный экран» и на которой, повинуясь телепатическим командам преподавателя, сменяют друг друга формулы и рисунки. Математики почему-то не любят слова «чертеж» и называют чертежи исключительно рисунками. Предполагается, что студенты следят за рассуждениями лектора и не только записывают текст лекции в свою внешнюю память, но и постигают некую суть, и откладывают эту суть в памяти внутренней, то есть непосредственно в мозгу. На практике же понимать смысл лекции в реальном времени можно только тогда, когда ты уже знаешь излагаемый материал. Математика тем и отличается от других наук, что все рассуждения строятся на пределе возможностей мозга, не зря кто-то сказал, что математику стоит

учить, потому что она развивает мозги, и не зря на соседнем мехмате, где мозги студентов развиваются еще более интенсивно, время от времени то одного, то другого студента уволят в психушку.

А самое противное на лекции – это то, что ты постоянно чувствуешь, что вот-вот поймешь глубинный смысл шаманских заклинаний, написанных на доске, и одновременно чувствуешь, что этот смысл от тебя ускользает. Многие студенты даже не пытаются слушать лектора, они полностью записывают его выступление во внешнюю память и разбираются в этой записи потом, когда находится свободное время. А на лекции они полностью переключаются на виртуальный мир, слушают музыку, смотрят фильмы, разговаривают друг с другом, играют в карты и в шахматы, ходит даже байка про двух студентов, которые занимались на лекции виртуальным сексом, и их подергивающиеся тела радовали всех окружающих, кроме пожилой женщины-лектора. Я тоже пробовал уходить в виртуальность во время лекции, но эта идея себя не оправдала – времени на усвоение материала требуется заметно больше, чем если честно слушать, что говорит лектор. А самое плохое в этой технике то, что времени на осознание курса может вообще не найтись, и тогда участи троечника или даже двоечника не избежать.

В университет я приехал в довольно мрачном расположении духа. То, что произошло вчера, произошло на самом деле. Это был не сон, я убедился в этом утром, ликвидировав

с помощью своих новых способностей собственное свеженаложенное дерьмо. Я подумал, что какой-нибудь молодой ученый из фильма для молодежи ужаснулся бы такому цинизму – использовать столь великое открытие, чтобы не нажимать кнопку слива, – ужас! Но тут ничего не поделаешь – вот такой я циничный, кому не нравится, могут со мной не общаться. Короче говоря, внутричерепной насос сработал безупречно, через секунду унитаз блестел и был абсолютно сухим. Я удивился, почему он не исчез вместе с дерьмом, и понял три вещи. Во-первых, дерьмо удалялось сквозь унитаз, который, как известно, непрозрачен. Непонятно, как такое вообще может происходить, особенно после того, как увидишь это своими глазами. Во-вторых, я сообразил, что могу уничтожать вещи избирательно – при уничтожении чего-либо окружающие предметы остаются неизменными. И, в-третьих, я осознал, что мне следует планировать свои эксперименты более тщательно, если я не хочу устроить дома прорыв канализации. Позже я добавил к этим откровениям четвертое: при удалении предмета из материальной вселенной не ощущается никакого дуновения воздуха, стремящегося занять освободившееся место.

Идя к автобусной остановке, я очистил от мусора урну, встреченную по дороге. Другую урну я попытался ликвидировать, сохранив на месте лежащий в ней мусор, но это не удалось. Не исключено, что урна была пуста, а возможно, при ликвидации контейнера его содержимое автоматически

ликвидируется заодно с ним. Я подумал, не стоит ли ликвидировать пару ворон, и решил, что не стоит. Вороны ничего плохого мне не сделали, и уничтожать их только ради научного опыта показалось мне непозволительной жестокостью.

По дороге в университет я еще три раза попрактиковался в своих новых способностях, уничтожив бумажку, валяющуюся на тротуаре, пустую бутылку из-под водки и пустой шприц, очевидно, из-под героина. После этого я решил, что уподобляться дворнику не стоит, и больше ничего не уничтожал. Только один раз, уже в автобусе, я поймал себя на мысли, что неплохо было бы уничтожить особо наглую бабку, разоравшуюся из-за того, что ей не уступила место молодая девушка, по-моему, беременная. Потом я стал думать о других вещах и, когда вошел в лекционный зал, чувствовал себя уже не персонажем фантастического рассказа, а обычным человеком.

Маринка сидела, как обычно, в третьем ряду и увлеченно разговаривала с подругами. Меня она не заметила, а я не стал ни подходить к ней, ни связываться через компьютер по телепатической связи, ни, тем более, орать через весь зал. Я занял свое место в предпоследнем ряду и стал ждать, когда придут Егор с Пашкой. Ни один из них на этой лекции не появился.

Ровно в 9:00 Иван Моисеевич (так зовут нашего лектора по матану) вошел в зал и начал вещать. Сегодня он продолжал излагать доказательство очередной теоремы векторного

анализа, примечательной тем, что ее формулировка занимает около килобайта, а доказательство началось почти в самом начале прошлой лекции, и конца ему все еще не видно. Мне стало скучно.

Я раскрыл виртуальный экран и начал развлекаться. Я скопировал на его поверхность доску вместе с лектором и стал улучшать картинку. Я пририсовал Ивану Моисеевичу пейсы и ермолку, а затем приступил к нарисованному на доске. Центральное место там занимал трехмерный цилиндр, который на самом деле был попыткой наглядно представить его $m+n$ -мерный аналог. Попытка неудачная. Я чуть-чуть подправил очертания цилиндра, и он стал похож на мужской половой член. Далее я заменил формулу, размещенную под картинкой после слова «следовательно», на нецензурные слова. Я стер все, что было написано ниже, и вписал в освободившееся пространство несколько набивших оскомину рекламных лозунгов на тему безопасного секса вроде «даже когда все очень классно, эта мелочь защитит вас». Оглядев получившийся коллаж, я сохранил его во внешней памяти. Надо будет показать Егору, да и Маринке, должно быть, понравится. Под конец вчерашнего вечера она перестала изображать хорошо воспитанную юную девушку и рассказала пару неприличных анекдотов, так что не думаю, что это произведение искусства ее шокирует. Наконец я свернул экран и посмотрел на доску.

Я ничего не понимал. То есть я все понимал, но отказы-

вался поверить в то, что я все правильно понимаю. Членоподобный цилиндр и все, приписанное к нему, красовалось на доске. Иван Моисеевич отчаялся удалить с доски эту гадость телепатическими командами и сейчас яростно копался в преподавательском столе, видимо, пытаясь найти пульт ручного управления проекционным экраном. Когда он поднял голову, я увидел, что ни пейсов, ни ермолки на его голове не появилось. И то хорошо.

Иван Моисеевич выбежал из зала, сверкая вспотевшей лысиной. Я сосредоточился. Мне показалось, что я ощущаю около доски какую-то чужеродную ауру, что-то вроде изолирующего поля в восьмом «Орионе». Я напрягся и смахнул эту ауру взмахом невидимой руки, растущей откуда-то из моей головы, вероятно, из центра мозга, оттуда же, где размещается мой нематериальный насос. Картинка на доске мигнула и начала судорожно меняться, как будто доска опомнилась и, словно пытаясь загладить свою вину, начала выполнять команды, которые она так долго игнорировала.

Студенты бурно радовались, естественно, все подумали, что старшекурсники опять засадили в институтскую сеть вирус. Я тоже изобразил на лице улыбку.

Минут через пять Иван Моисеевич вернулся в лекционный зал, скептически посмотрел на доску, восстановил изображение цилиндра, который теперь был идеальной геометрической формы, стоически не заметил смеха в аудитории и продолжил лекцию как ни в чем не бывало. Некоторое время

то в одном конце зала, то в другом раздавались сдавленные смешки, потом они прекратились. Лекция шла своим чередом.

* * *

В перерыве я подошел к Маринке.

– Привет! – сказал я.

– Привет!

– Вчера все прошло замечательно.

– Еще бы. – Она улыбнулась. – Доехал нормально?

– Ага.

– Интересно, кто это сделал? – Она показала на доску. –

Не ты? Ты же у нас хакер, – Маринка рассмеялась.

Я вымученно улыбнулся и отрицательно покачал головой:

– Какой я, на фиг, хакер? Мне еще учиться и учиться.

– Ученый ты мой, – сказала Маринка. Я собрался с духом.

– Ты сегодня вечером что делаешь?

– Уже соскучился? Нет, сегодня ничего не выйдет, я заня-

та. Боюсь, до субботы ничего не получится.

– Мои в субботу, наверное, уедут на дачу. Можешь заехать

ко мне.

– Ну уж нет! Ты мужчина, бегать по девочкам – это твоя забота. А я слабая женщина и боюсь ездить ночью в общественном транспорте.

Да уж, подумал я, есть чего бояться.

– Может, сходим куда-нибудь, – предложил я, – в кино там или еще куда.

– В ресторан «У Максима». Не надо, Игорь, не грузись, твоя культурная программа меня вполне устраивает. – Она приблизила свое лицо к моему и заговорщически прошептала: – Ты прекрасно трахаешься.

Не ожидал. Я покраснел и пробормотал что-то невразумительное вроде того, что я всегда рад сделать приятное такой замечательной девушке, и не стоит мое искусство таких комментариев, и вообще я не волшебник, а только учусь. Маринка сказала на это, что мне надо побыстрее становиться волшебником, и тогда она подарит мне совсем неземное наслаждение, короче, мы мило проболтали о пустяках весь перерыв, но на следующей лекции, когда я связался с Маринкой по телепатической связи, она передала мне желание, чтобы я ее не отвлекал, и больше мы с ней в этот день не разговаривали.

* * *

Ни Егор, ни Пашка в университете так и не появились. Звонить им я не стал, хотелось побыть одному, и сразу после занятий я поехал домой.

Когда я провожу вечер дома, то обычно сразу проваливаюсь в виртуальность и выхожу из нее, только чтобы поужинать и справить естественные надобности. Я не люблю делать

полное погружение – во-первых, при частом использовании это утомляет, а во-вторых, вид меня, валяющегося на кровати и не реагирующего на внешние раздражители, действует маме на нервы. Поэтому я обычно раскрываю виртуальный экран в полупрозрачном режиме и, пребывая в виртуальности, сохраняю контакт с реальным миром. Но сегодня я не стал раскрывать экран, а лег на кровать и стал смотреть в потолок и думать о том, что со мной происходит.

Я не слишком хорошо разбираюсь в современной физике, но даже мне ясно, что научно объяснить мои способности вряд ли возможно, ничего похожего в мире еще не было. Впрочем, в «Орионе» есть устройство под названием «фазовый генератор», которое позволяет удалять предметы из реального мира в другую фазу, а затем возвращать обратно. Замечательная вещь в ближнем бою – когда истребитель, оснащенный фазовым генератором, приближается к тяжелому кораблю противника, он «пульсирует», то есть постоянно переключает фазы. И пока истребитель пульсирует, он большую часть времени физически находится вне пределов Вселенной и неуязвим для любого оружия противника. Нужно только не забывать время от времени выныривать обратно, чтобы не потерять ориентацию, а то альтернативная фаза может стать основной. Еще фазовый генератор можно применять в качестве боеголовки торпеды – сблизившись с кораблем противника, генератор перебрасывает окружающее пространство в случайно выбранную фазу и самоуничтожается.

Если корабль не успел просчитать параметры фазового перехода, обратно в нашу Вселенную ему не вернуться. А чтобы просчитать переход было труднее, генератор делает сразу несколько переходов, а команду на самоуничтожение дает в процессе одного из них. Короче, фазовый генератор – это самое лучшее оружие для космического боя, жалко только, что оно появляется в самом конце игры и построить много фазовых генераторов просто не успеваешь.

Но, как бы то ни было, считать, что у меня в голове имеется фазовый генератор, это безумие. К тому же это не объясняет, как я смог превратить нарисованный цилиндр в нарисованный же член, заблокировать все каналы управления доской, а потом вернуть все обратно и снять блокировку. Можно представить себе, что у меня в голове завелись одновременно сразу два разных устройства (или органа?), делающие сверхъестественные действия двух разных видов, но это не может быть правдой, таких совпадений просто не бывает. То, что появилось в моей голове, – это, скорее всего, что-то одно, что умеет и удалять предметы из мира, и вмешиваться в работу компьютеров. Что это может быть – я просто не представляю.

Откуда это взялось у меня? Насколько себя помню, я всегда был совершенно обычным мальчиком и среди сверстников ничем особенным не выделялся. Да, я немного странный, но все люди немного странные, в моей нынешней группе есть по меньшей мере пять человек, намного более стран-

ных, чем я. В фильме про девочку, воспламеняющую взглядом, эта девочка, когда была совсем маленькой, случайно поджигала свои игрушки и обжигала мамины руки, я же до вчерашнего вечера никогда ничего взглядом не уничтожал. Непонятно.

Ну хрен с ним, с этим даром (или проклятием?). Подумаем, как жить дальше. Опыт первого применения моего внутримозгового насоса показал, что теперь я могу не бояться шпаны на улицах. Конечно, убивать людей нехорошо, но хулиганы сами нарываються на приключения. Какая разница, чем я убил тех троих – нематериальной жижей или пистолетной пулей? Они должны были допускать, что у ботаника, мирно дремлющего у окна, в кармане лежит пистолет с боевыми пулями, а значит, мой поступок не нарушает правил игры. Они знали, на что шли, но не учли неизвестный фактор и потому проиграли. И в общем, не обязательно в случае необходимости уничтожать человека целиком, достаточно ликвидировать его одежду, в крайнем случае пару зубов. Впрочем, он может вытащить пистолет из кармана и убить меня на месте, испугавшись, что я ликвидирую его полностью. Нет, получается, что насос в драке надо применять в полную силу. Какой-то полицейский из какого-то фильма говорил: «Достал пистолет – стреляй». Я подумал, понравилось ли мне то, как я избавил Москву от трех бандитов, и решил, что нет. Не исключено, что раззявленный рот, через который видно окружающие предметы, будет регулярно снить-

ся мне много лет, может быть, даже всю жизнь. Впрочем, прошедшей ночью мне не снилось вообще ничего.

Что еще я могу сделать? Если бы я был бандитом-мокроушником, передо мной открылись бы поистине безграничные возможности. Подходишь к инкассаторской машине, заглядываешь внутрь, спокойно ликвидируешь всех, кто внутри, забираешь сумку с деньгами и так же спокойно уходишь. Или уезжаешь, все инкассаторские машины оборудованы автопилотами, а сломать защиту автомобильного компьютера вряд ли намного сложнее, чем превратить одним взглядом нарисованный цилиндр в нарисованную похабщину. Впрочем, это надо проверить.

Я ужаснулся своим мыслям. Я лежу на диване и спокойно, не мучаясь угрызениями совести, планирую преступление, и не просто преступление, а ограбление с убийством, и не с одним убийством, а с тремя-четырьмя. Нет, так поступать нельзя. Внутренний голос спросил меня, почему нельзя, но я послал его в известное место и стал думать о другом.

Как можно повернуть мои способности в мирное русло? Что я могу сделать, если можно так выразиться, в народном хозяйстве? Уничтожить баржу с радиоактивными отходами? Не уверен, что моих сил хватит на это, кстати, надо проверить, насколько большие объекты я могу ликвидировать. К тому же в фантастических рассказах все герои, обладающие необычными способностями, обязательно страдают от побочных эффектов этих способностей. Я прислушался к

своим ощущениям и решил, что пока ни от чего не страдаю. Голова не болит, живот не болит, никаких высыпаний на коже нет, что там еще бывает? Необычной усталости тоже не чувствую. Наверное, я типичный супергерой. Это определение меня рассмешило. Я вспомнил мультфильм про Чипа и Дейла, где в Дейла попал метеорит, и он стал супергероем, научившись прыгать в высоту на несколько сотен метров. Я представил себе, как летаю над городом, покрикивая загробным голосом: «Я – ужас, летящий на крыльях ночи!» (или это из другого мультфильма?), и мне стало совсем смешно. Но мой смех был немного истерическим.

Что делают хорошие супергерои? Помогают несчастным, обиженным и т. д. Несерьезно. Еще бывают белые маги и святые целители, которые, если верить их рекламе, тоже по сути супергерои. Они исцеляют разные болезни. Может, и мне попробовать? Я представил себе, как даю в газету рекламу: праведный юноша, которому в задницу попал метеорит, удаляет раковые опухоли, ликвидирует излишки жира и выдирает больные зубы без боли и без наркоза. Я оборудую в каком-нибудь подвале темную комнату, обставленную в этаким эзотерическом стиле, надену искусно застиранную рясу, подпоясанную веревкой, и буду с помощью молитвы лечить бизнесменов от импотенции. Я неожиданно обнаружил, что мурлыкаю себе под нос песенку про то, как у целителя в палец врос ноготь и потому целитель облажался. А что, в качестве молитвы эта песенка вполне подойдет: мелодия благо-

звучная, ритм размеренный, торжественный и чуточку тревожный, главное, чтобы посетитель не знал английского. Но те, кто ходит к целителям, вряд ли знают английский.

Через некоторое время я заснул, так ничего и не решив. Мне приснилось, что я летаю над ночным городом, но не в черном плаще, а совсем голый, как булгаковская Маргарита, и не на метле, а просто так, и при этом летает не тело, а только душа, а тело лежит на кровати и спит. И над городом разносится женский голос, низкий и грудной, но тихий и ласковый, который бесконечно повторяет одну и ту же фразу на неизвестном мне языке. Я не знаю языка, но понимаю смысл фразы.

«Охотник за тенью восстает».

Глава третья, в которой я напиваюсь до потери памяти

Вторник – день неинтересный. Во вторник у меня всего три пары, из которых первая – практическое занятие по информатике, вторая – лекция по философии, а третья – практическое занятие по алгебре. На вторую пару ходить не нужно – все, что говорит лектор, есть в учебнике. На первую сходиться можно, но по информатике я лучший в группе, и преподаватель это прекрасно знает. От того, что я прогуляю эту пару, ничего плохого не случится. Из-за одной третьей пары ехать в университет глупо, но, с другой стороны, что делать дома? Поэтому я поспал подольше и поехал к третьей паре.

Когда я уже подходил к центральному входу, навстречу мне вышли Егор с Пашкой. Мы поздоровались.

– На пару решили забить? – спросил я.

– Пары не будет, – ответил Пашка, – Мистер Бин заболел.

Мистер Бин – это наш семинарист по алгебре. Он вовсе не англичанин, Мистер Бин – это не фамилия, а прозвище, он очень похож на того дурака, которого изображал английский комик начала века. Не внешне, внешне они совсем непохожи, но некая непередаваемая тормознутость их очень роднит. Я не сразу узнал, откуда пошло это прозвище, а когда узнал, целую неделю смотрел старые двумерные фильмы с мистером Бином и ухахатывался. Потом еще около трех

недель просмотр этих фильмов был в нашей компании обязательной культурной программой при распитии спиртных напитков, а потом они (фильмы, а не напитки) надоели.

– А он что, SMS заранее разослать не мог? – возмущенно спросил я.

– Урод он, – ответил Пашка, казалось бы, ни к селу ни к городу, но мы друг друга поняли.

Пашка закурил, Егор тоже. Из нас троих я один некурящий, из-за чего надо мной регулярно подтрунивают. Впрочем, я тоже иногда покуриваю, когда выпью.

– Куда подадимся? – спросил я. Когда я ехал на пару, мне совершенно не хотелось пьянствовать, но сейчас мысль о том, чтобы сразу тащиться обратно домой в переполненном троллейбусе, вызвала резчайшее отвращение. Видимо, мои друзья были со мной солидарны.

– Вначале посидим в беседке, а там посмотрим, – предложил Егор.

Беседка – это летнее кафе около метро «Университет». Кроме пива и закуски к нему, там ничего не продается, пиво не самых лучших сортов, но недорогое, а самое главное – это то, что в беседке играет нормальная музыка. Не оглушительная попса и не тюремный рэп про то, как девушка изменила юноше, а юноша перепрограммировал автопилот на автомобиле девушки, и теперь девушка в могиле, а юноша на Колыме, ах-ах, жизнь загублена, но жалеть меня не надо, потому что я – крутой пацан. В беседке всегда тихо играет

блюз. Водка под него не идет, но водка здесь и не продается, а пиво пьется просто замечательно.

Мы взяли по две кружки «Мадам Бочкиной» (лучше здесь все равно ничего нет) и уселись за свободный столик подальше от стойки. Егор аппетитно отхлебнул, закурил очередную сигарету и поинтересовался у меня:

– Игорь, ты вчера в универе был?

– Угу. Если не считать того, что поломали проекционный экран во втором зале, вообще ничего интересного.

– И куда лекцию перенесли, когда экран сломался?

– Да никуда. Я же говорю, не сломался экран, а поломали. Вначале все было, как обычно, а потом с доски исчезли все формулы, а вместо них сплошной мат и реклама, и там еще в углу был цилиндр нарисован, к нему яйца подрисовали.

– Уроды, блин, – констатировал Егор, – если уж кто-то такой умный, чтобы поломать сетку, мог бы придумать что-нибудь поинтереснее. Вот когда сервер ди Каприо поломали...

– Кого? – включился в разговор Пашка.

– Ди Каприо. Ну, этот актер голливудский, который еще играл Ломоносова в старости. Так вот, когда его сервер поломали, туда такую классную порнушку положили, любо-дорого посмотреть. Или когда на сервер православной церкви повесили баннер «Здесь был Сатана». Там этих баннеров внизу столько, что этот новый админы углядели только через месяц. А до этого они только удивлялись, что это посещаемость так резко возросла. Вот это круто! А эти, блин, хаке-

ры, потрут все на хрен, напишут «Здесь был Вася» и думают, что они самые крутые. Лучше бы базу данных подправили, оценки там, стипендии.

– Может, и подправили, – попытался я защитить репутацию неизвестных, но глупых хакеров.

– Тогда тем более уроды. Теперь админы всю базу данных перешерстят, если туда кто и влез, настучат декану и отчислят на хрен или вообще ментам сдадут.

Некоторое время мы пили молча. Потом Пашка спросил:

– Игорь, а ты, говорят, к Маринке клеишься? Я почему-то смутился.

– Кто говорит?

– Люди. Так что, это правда?

– Какая, на хрен, разница? Ну, клеюсь, допустимей что с того?

– Правда, она классно трахается?

– С чего ты взял?

– Значит, плохо?

– Отвяжитесь, нормально она трахается.

– В рот берет?

– Да иди ты!

– Берет, Игорь, точно говорю, берет, – многозначительно сказал Егор. – Ты что, не знаешь, где она подрабатывает? Она проститутка виртуальная.

– Да не тринди!

– Точно говорю. Я думал, ты в курсе.

– Откуда? И ты почему знаешь?

– Она Ленке Пуховой по пьяни проболталась по осени. А Ленка, ты сам знаешь...

Это действительно всем известно. Если кто у нас в группе и проститутка, так это Ленка.

– Да Пухова болтает сам знаешь что, у нее язык как помело, а мозгов нет. Ты больше слушай, что она несет. – Я подумал. – Не может Маринка быть проституткой, ей же еще двадцати одного года нет.

– Такие дороже ценятся. К тому же отца у нее нет, мать инвалид, живет на одну пенсию, двоим на нее не прожить, вот Маринка и зарабатывает как может.

– Так ты же говоришь, она виртуальная. Кому какая разница, сколько ей лет на самом деле, у нее же все нарисовано, когда она трахается. Возьмут бабку девяноста лет, нарисуют тело, какое надо, бери и пользуйся. Все равно в виртуальности никогда точно не знаешь, кого трахаешь, ты же сам рассказывал. Так зачем брать в бордель малолетку, если пользы от нее столько же, сколько от старухи, а проблем больше?

– Сейчас в борделях новая услуга появилась. Приходишь, тебе показывают девочек реальных, ты выбираешь, кого хочешь, проваливаешься в виртуальность, и там трахаешь, кого выбрал. Это чтобы клиент был уверен, что он трахает действительно красивую молодую бабу, а не уродливую старуху.

Я ничего не знал об этой услуге, но раз Егор говорит, значит, такое бывает. В вопросах, связанных с проститутками,

Егор – признанный специалист. Это он уговорил меня съездить на Тверскую и снять ту бабу, что лишила меня невинности. Я уже поверил в то, что сказал Егор, но продолжал сопротивляться, надеясь каким-то уголком души, что это все – дурацкая шутка. Чувство юмора у Егора очень своеобразное. Мне пришла в голову неожиданная мысль.

– Так что мешает этим деятелям показать клиенту реальную девочку, а в виртуальности одеть старушенцию в ее тело – и вперед? Девочки отдельно, проститутки отдельно.

– Пару раз такое, может, и пройдет, а потом кто-нибудь узнает и хозяевам борделя братки яйца поотрывают. Если собрался обманывать клиентов, нет смысла устраивать такую сложную процедуру, проще открыть обычный виртуальный бордель.

– А почему малолетки там дороже ценятся? Я имею в виду, если предъявляют девчонку и говорят, что она малолетка, она же паспорт не показывает, проще найти девицу, которая молодо выглядит, и подкладывать желающим. А если в борделе работает настоящая малолетка, это ж какой геморрой можно огрести!

– Можно огрести, а можно и не огрести. Когда с ментами все схвачено, проблем не будет. К тому же, если заведение дорожит репутацией, у них все по-честному, они за счет этого берут больше денег с каждой девицы. И коль в таком заведении работает малолетка, так это настоящая малолетка, и стоит она, как положено, в четыре раза дороже, чем обыч-

ная баба. Вот если подкладывать клиентам совсем сопливых, ну там лет двенадцати, вот тогда геморрой можно заработать очень легко. Ладно, Игорь, не грузись, в реале она не работает, так что заразу ты не подцепишь. Пойдем лучше пулю распишем.

Мы поехали домой к Пашке, по дороге взяли пива – три двухлитровые бадьи. Закуски брать не стали – Егор с Пашкой считают, что пиво в закуске не нуждается. Мне было не то чтобы грустно, но странно. С одной стороны, я действительно склеил Маринку, не ухаживал, не завоевывал, а именно склеил. Никто из нас ни разу не говорил о любви, само собой подразумевалось, что ничего, кроме хорошего секса, нас друг в друге не интересует. Но, с другой стороны, разговор оставил какой-то неприятный осадок. Неужели я начинаю влюбляться?

* * *

Обычно среда – день обыкновенный и ничем не примечательный. Но не эта.

Я проснулся около восьми утра от жажды. Открыл глаза и обнаружил, что нахожусь не дома. Оглядевшись по сторонам, понял, что лежу на полу маленькой комнаты Пашкиной квартиры, в непосредственной близости от дивана, с которого, очевидно, скатился во сне.

Пошатываясь, я поднялся на ноги. Пить надо меньше. Я

посмотрел на кровать, там дрыхли мои друзья – Пашка у стены, Егор у края. У Егора есть дурацкая привычка: когда пьяная компания ложится спать кто куда, Егор любит разбежаться, подпрыгнуть и упасть в центр дивана, где уже спят двое. При этом один из спящих укатывается к стене, а второй падает на пол. Скорее всего, этой ночью Егор залег спать именно таким образом, а я настолько нажрался, что даже не проснулся. Я хотел было рассердиться, но передумал – вначале надо утолить жажду.

Я сходил на кухню и утолил жажду водой из-под крана. Так делать не рекомендуется, в московской воде, судя по вкусу, больше хлорки, чем воды, но когда ты только что проснулся после нехилой попойки, такие мелочи мало волнуют. Судя по интерьеру кухни, пивом мы вчера не ограничились и перешли на водку. Одна из водочных бутылок оказалась наполненной до половины чем-то красным. Я удивился и отхлебнул. Это оказалось вино, совершенно непонятного сорта, но вкусное. Я отхлебнул еще и подумал, что неаккуратный опохмел приводит к длительному запою и что длительный запой мне совсем не нужен. Я поставил бутылку обратно на подоконник, взял со стола пачку сигарет и закурил. Вообще это очень вредно, но сейчас сигарета мне просто необходима. В голове слегка помутилось, но это странным образом прояснило мои многострадальные мозги.

Мысли бестолково прыгали в голове, как это всегда бывает с похмелья. Я нашел на столе пулю и посмотрел итоговый

счет. Я оказался в маленьком плюсе – это редкость, обычно проигрываю. Судя по обилию помарок, пулю мы заканчивали уже под водку, это косвенно подтверждается и огромными числами в горе у каждого. Я попытался приблизительно оценить, сколько мы выпили, и не смог.

Преферанс – очень странная игра. Папа говорит, что с тех пор, как он вживил себе процессор, он больше не может играть в преферанс, ему неинтересно. А я, наоборот, не понимаю, как можно играть в преферанс без встроенного компьютера. Запоминать каждую вышедшую карту – это так утомительно! Кроме того, без компьютера практически невозможно точно рассчитывать вероятности раскладов, приходится пользоваться приближенными формулами, и чаще выигрывает тот игрок, у которого надежнее работает внутренняя оперативная память и который лучше умеет подсознательно считать вероятности. А когда у игрока есть встроенный комп, запоминать карты и считать вероятности не нужно – все это делает машина. И если компьютер есть у каждого игрока, преферанс становится похож на покер. Большинство партий играют автоматически, практически без участия мозга, все команды рукам дает компьютер. Самое интересное начинается тогда, когда нужно что-то угадать: снос, или вторую масть, или что-нибудь еще в этом роде. Или когда нужно сделать так, чтобы твое действие не угадали. Конечно, компьютер всегда предлагает идеальный вариант, но, если всегда его слушаться, противники легко угадывают твои

действия, и ты проигрываешь. Чтобы выигрывать, надо иногда делать неоптимальные, но неожиданные ходы. И выигрывает в преферансе тот, кто умеет блефовать, когда нужно, и умеет не блефовать, когда это не нужно. У меня это обычно не получается.

Сигарета догорела. Я приказал кофеварке сварить шесть чашек кофе (на трех человек надо варить шесть чашек, почему-то «чашка», в которых кофеварка измеряет количество варимого кофе, равна ровно половине обычной) и, пока она фырчала, стал вспоминать подробности вчерашнего. Вначале мы пили пиво и играли в преферанс. Потом пиво кончилось, и мы перешли на водку. Потом посчитали, кто сколько очков выиграл (на деньги я никогда не играю), и решили, что вторую пулю писать не будем. Мы включили три-дэ – видео и стали смотреть дурацкую комедию. Потом я заметил, что комната прыгает перед глазами, причем вниз она сползает медленно, а вверх подпрыгивает быстро, и понял, что опьянел. Потом я каким-то образом протрезвел, а потом снова напился, да так, что совершенно не помню, как и когда отправился спать. Может быть, заснул, упав мордой на стол, а на диван меня перенесли друзья? Многие любят перед пьянкой приказывать компьютеру записывать все происходящее во внешнюю память, я пробовал так делать, но результат меня разочаровал: когда трезвый смотришь на себя пьяного, пьяный кажется трезвому клиническим идиотом. Лучше уж не помнить, что творил прошлым вечером. Но вчера, кажет-

ся, произошло что-то, что мне следовало бы вспомнить... Я постарался сделать это, но так и не смог.

Кофеварка сообщила мне, что кофе сварено. Я подумал, не следует ли разбудить товарищей, и решил дать им поспать еще. Налил себе кофе, пошарил по холодильнику, сделал бутерброд с колбасой и начал завтракать. Компьютер сообщил мне, что около восьми вечера я связался с мамой и сказал ей, что ночевать не приеду. Это хорошо – мои родители вчера волновались не больше, чем обычно в подобных случаях. Я поинтересовался у компа, сколько сейчас времени и какие пары мне сегодня предстоят. Оказалось, что сейчас почти девять и что второй парой будет семинар по философии. Я быстро допил кофе и попытался разбудить Егора с Пашкой. Они порекомендовали мне пойти в одно отдаленное место и заняться там сексом с самим собой. Тогда я быстро оделся, захлопнул за собой дверь и отправился в университет. В этом семестре я уже пропустил один семинар по философии, и второй прогул создаст мне очень-очень серьезные проблемы.

* * *

На семинар по философии я опоздал, причем опоздал крайне неудачно. Когда я постучался в аудиторию, господин Отрепьев (это наш семинарист-философ, и это не прозвище, а фамилия) как раз думал, кому бы ему задать очередной

философский вопрос. Когда я открыл дверь, повод для размышлений отпал сам собой.

– Можно войти? – робко спросил я.

– Можно, – сказал Отрепьев и тут же спросил: – Как вы думаете, господин Гончаров, Бог есть?

Я как шел к своему месту, так и застыл. Такой вопрос, будучи задан неожиданно, может сбить с толку любого человека, а на меня, все еще страдающего от похмелья, он подействовал поистине ошеломляюще. Потом я вспомнил, что одна из последних лекций была посвящена Фоме Аквинскому, и приободрился. Пару лет назад я ощутил интерес к религиозной философии, и за то время, пока этот интерес не угас, успел ознакомиться с трудами нескольких околорелигиозных философов. Так что эту тему, как ни странно, я знал.

Я подошел к своему столу, повесил сумку на стул, повернулся лицом к преподавателю и ответил, стараясь говорить внятно, как хороший студент, а не сумбурно и неразборчиво, как человек, не успевший прийти в себя после недавнего перепоя:

– Думаю, что Бог есть. Впрочем, с другой стороны, проверить это невозможно – если бы Бога не было, его бы придумали. А если Бог есть, я не думаю, что возможно понять его настолько, чтобы это привело к каким-либо практическим последствиям. Поэтому вопрос о бытии Бога не то чтобы неактуален, но... является второстепенным, что ли.

Когда я все это проговорил, мне показалось, что ответ на вопрос сформулирован мною великолепно, и искренне удивился, когда аудитория заулыбалась. Отрепьев тоже улыбнулся и спросил меня:

– Значит, доказательства бытия Божьего, сформулированные Фомой Аквинским, вас не убеждают?

– Во-первых, там множество логических ошибок...

– Приведите пример.

– Например, Фома Аквинский говорит: «Каждое движение имеет свой двигатель, и, значит, самое первое движение имело свой перводвигатель, и этот перводвигатель и есть Бог». Но, согласно механике даже не Эйнштейна и даже не Ньютона, а Галилея, движение возможно и без двигателя.

– Вы, Гончаров, понимаете это доказательство слишком упрощенно, Фома Аквинский имел в виду не только и не столько механическое движение. Под движением он понимал движение материи в общем.

– В том числе и радиоактивный распад? – Я набрался наглости перебить преподавателя.

– В Средние века феномен радиоактивного распада был неизвестен, но ход вашей мысли вполне очевиден. Вы считаете, что радиоактивные материалы распадаются самопроизвольно и беспричинно. Но, с точки зрения истинного христианина, радиоактивный распад происходит тоже по воле Бога.

– Странно, что в этом случае воля Бога выражается теми

же математическими законами, что и бросание монетки.

– Божья воля непостижима. Проявления сущности Бога могут показаться нам странными или даже глупыми, но не нам о них судить. Странно, что мне приходится вам это объяснять.

Папа говорит, что, когда он был молодым, православие еще не было в России государственной религией. Официально и сейчас у нас церковь отделена от государства, но во всех школах Закон Божий является обязательным предметом. Необязательно учиться в православной школе, можно выбрать мусульманскую или еврейскую, можно даже считать себя атеистом, но большинство людей на атеистов смотрят косо. Считается, что хороший человек должен быть в меру религиозен, а атеизм – это признак ущербной личности. Это неофициально, в официальных анкетах, например, при приеме на работу можно не указывать вероисповедание, но, если его не указать, вряд ли тебя примут куда-нибудь, кроме как ассенизатором. Мой папа всем говорит, что он убежденный атеист, но ему можно – он человек уважаемый, бывший космонавт, и его взгляды терпят. А если я заявлю во всеуслышание, что не верю в Бога, на меня в лучшем случае посмотрят как на дурака. Не знаю, зачем я сейчас начал честно излагать свои философские мысли, возможно, виновато похмелье. Но, раз начав, я уже не смог остановиться.

– Во-вторых, – сказал я, – доказательства бытия Божьего могут доказать только существование в мире чего-то бо-

жественного, но ничего не говорят о природе того, чье существование доказывается. Ни одно из доказательств Фомы Аквинского не утверждает, что Христос существует, а, скажем, Аллах не существует. По-моему, вообще невозможно доказать, что Бог удовлетворяет требованиям, предъявляемым к нему какой-либо религией. Если подходить к вопросу существования Бога чисто логически, может оказаться, что истинный Бог – это бог племени Мумбо-Юмбо. То есть, с точки зрения чистой логики, Бог Мумбо-Юмбо существует не менее, чем существует Бог Отец или Бог Сын. В-третьих, Фома Аквинский не придумал ничего нового, все его доказательства были ранее сформулированы Секстом Эмпириком, который доказывал существование римских богов. И, наконец, Фома Аквинский сам говорит, что доказательства нужны еретикам, а истинно верующему человеку они ни к чему.

– Так какой вы делаете вывод из всего этого? – спросил Отрепьев. – Доказательства бытия Божьего, на ваш взгляд, пустая игра ума?

– Ну... я бы не стал это формулировать так категорично...

На самом деле я бы сформулировал это еще более категорично, может быть, даже нецензурно, но семинар по философии – не самое лучшее место для выражения своих мировоззренческих взглядов. Получить зачет по философии непросто и в обычных обстоятельствах, а если преподаватель заподозрил тебя в атеизме, так и вовсе тяжело. Я запоздало подумал, что надо было ограничиться благоглупостями из учеб-

ника.

Отрепьев спросил, не хочет ли кто-нибудь из группы высказаться по поводу моих рассуждений. К моему удивлению, желающий нашелся. Это был староста нашей группы Андрей Соколов. Если бы Хетфилд лично знал Андрея, он посвятил бы ему «*Holier that thou*», до знакомства с Андреем я не встречал ни одного столь правильного молодого человека, притом правильного в худшем смысле этого слова.

Андрей всегда говорит правильные слова, всегда думает правильные мысли и всегда совершает правильные поступки. Его мысли и слова почти всегда банальны, поступки – стандартны, личность абсолютно сера; но он об этом даже не подозревает. Узел его галстука всегда идеально завязан, рубашка идеально бела, а волосы идеально причесаны. Он истово верит в православие, он искренне одобряет капитализм, короче, представляет собой ожившую статую идеального юноши.

Андрей говорил долго и сумбурно, и из его речи следовало, что, хотя я сказал все правильно, он со мной в корне не согласен. Да, Бог неисповедим, непостижим и недоказуем, но это все есть проявления Божьего величия, а вовсе не повод усомниться в его вездесущии и всеблагости. Приплетать к Божьему имени механическое движение – это механистический материализм, который ругал даже Ленин (не верю, что Андрей прочитал хотя бы слово из Ленина), а описывать Божьи деяния через радиоактивный распад – это даже не по-

зитивизм, а просто нелепость. Сомневаться же в бытии Бога Сына, равно как и Бога Отца, просто неприлично для русского человека. До какой степени нужно закоснеть в атеизме, чтобы вопрос о существовании Бога был неактуален? Если Бога нет, тогда можно все, и тогда все правила морали теряют смысл. Да и вообще, если бы Игорь увидел, как Христос кормит многотысячную толпу людей пятью хлебами или как превращает воду в вино, он бы и то не поверил в то, что видит.

И тут я внезапно вспомнил то, что мучительно пытался вспомнить все утро. Это возникло перед моими глазами, как картинка с виртуального дисплея. Вот я зачем-то зашел на Пашкину кухню. Вот я наливаю воду из-под крана в пустую бутылку из-под водки, а Егор сидит за столом с сигаретой в руке. Вот я делаю руками магические пассы, говорю: «Крибле-крабле-бумс» – и глупо ухмыляюсь. Егор смеется, а в бутылке по-прежнему вода. Я искренне возмущаюсь, я хочу, чтобы в бутылке было вино. Я сбивчиво объясняю Егору, что теперь могу творить чудеса, а он соглашается со мной и смеется. Я тоже смеюсь. Я говорю на этот раз: «Рэкс-пэкс-пэкс», – и Егор закатывается в хохоте.

А потом я вижу, что в бутылку теперь налито нечто красное. Я отпиваю – это вино. Егор отпивает, соглашается, что это вино, и говорит, что пустых бутылок на кухне много, а вина мало. Я делаю много-много вина, литра два-три. Появляется Пашка, мы квасим. Потом провал в памяти, и следу-

ющий кадр – лежу около дивана и страдаю от жажды.

Я заметил, что больше не страдаю от похмелья, и, как, только это осознал, оно вернулось и навалилось с новой силой. Я мысленно цыкнул на алкоголь, разлагающийся на составные части в моей крови, и он куда-то делся. Мне показалось, что он обиженно скулит что-то неразборчивое.

Я оглядел себя мысленным взором и понял, что небрит, помят и растрепан и выражение лица у меня тоже помятое. Теперь стало понятно, почему аудитория встретила мою речь улыбками. Заходит, понимаете ли, в аудиторию опоздавший мальчиш-плохиш только что из-под стола, с красными глазами, и начинает излагать свои насквозь еретические философские взгляды, даже не удосужившись вытащить узел галстука из-под уха. Прямо-таки иллюстрация того, каким не надо быть российскому студенту. Я покраснел. Я подумал, могу ли усилием воли привести себя в приличный вид, и решил, что, независимо от ответа, это делать не надо. Если я без видимых причин превращусь из иллюстрации плохого студента в иллюстрацию хорошего, это вызовет, мягко говоря, удивление.

Поэтому я ограничился тем, что поправил галстук, разгладил наиболее вызывающие складки моего костюма и укоротил на треть щетину, буйно проросшую на моем лице. Я огляделся по сторонам, и вовремя, Андрей как раз закончил свою речь.

Отрепьев спросил, кто еще хочет высказаться, и, совер-

шенно неожиданно, высказаться пожелала Маринка. Она сказала примерно следующее. Да, конечно, истинно православный человек не должен сомневаться в существовании Бога, он даже не должен задумываться об этом. Но философ тем и отличается от нормального человека, что задумывается о тех вещах, о которых обычный человек не стал бы задумываться. А когда человек задумывается о том, о чем ему не стоило бы задумываться, человек может додуматься до чего угодно. Да, Игорь наговорил много лишнего. Но любой человек, который учится, совершает ошибки; как говорится, не ошибается только тот, кто ничего не делает. А Игорь не философ, он учится быть философом, как и все мы. Игорь попытался самостоятельно осмыслить вопросы бытия Божьего, и, пусть он и пришел к неверным выводам, Андрею не стоило переходить на личности и так резко высказываться (он, значит, перешел на личности? Прослушал...). Как Андрей ни пытался, он так и не смог ничего противопоставить логике Игоря, и это естественно – Фома Аквинский не зря сказал, что в вопросах религии следует применять не логику, а веру, а логика – это для еретиков. А когда еретики собираются вместе и начинают рассуждать логически, они не могут придумать ничего, кроме ереси. И неудивительно, что на этом семинаре мы обсуждаем такую ерунду, не имеющую никакого отношения к философии.

Отрепьев спросил, считает ли Маринка, что научный аппарат философии непригоден для обсуждения теологиче-

ских вопросов и вообще философия – это ересь. Маринка ответила, что философию ересью не считает, но она полагает, что религиозные вопросы следует обсуждать с использованием научного аппарата религии и что она также считает, что для всякого истинно религиозного человека это совершенно очевидно. Отрепьеву ничего не оставалось, кроме как согласиться с этим банальным утверждением. Он не стал ввязываться в спор, ощутимо попахивающий ересью, а вместо этого спросил, что думаю по этому поводу я. Я сказал, что думаю в точности то, что сейчас сказала Маринка, но не смог это так хорошо сформулировать из-за собственного косноязычия, за которое я запоздало извиняюсь. Отрепьев удовлетворился моим ответом и спросил, что может сказать по поводу всей этой дискуссии господин Соколов.

Господин Соколов извинился передо мной за то, что перешел на личности. Он попросил меня не держать на него зла, но так говорили только его губы, а в глазах было совсем другое. В общем, все пришли к мирному согласию, и разгорающийся скандал затух, так и не успев разгореться. Отрепьев стал задавать вопросы другим студентам, и эти вопросы были не столь глобальны и касались второстепенных частных трудов Фомы. На меня больше не обращали внимания, и я, воспользовавшись этим, укоротил свою щетину еще наполовину, а заодно убрал красноту с глаз и перегарный запах изо рта. Теперь я выглядел почти прилично.

В перерыве я подошел к Маринке. Она критически посмотрела на меня, приблизила свое лицо к моему и шумно втянула воздух. Ее глаза тревожно расширились. Я подумал, что убирать алкогольный запах не следовало.

– Игорь, ты что, употребляешь наркотики?

– Нет, с чего ты взяла, всего лишь водку с пивом и вином.

Маринка принюхалась еще раз.

– Антиполицай, – сказал я.

– Не ври, антиполицай так хорошо не действует. Засучивай рукава.

– Зачем? Ты что, мне не веришь?

– Пока не увижу, не поверю. Если ты наркоман, Игорь, этот разговор между нами последний. И если ты не покажешь мне вены, я буду считать, что ты наркоман.

Я посмотрел Маринке в глаза и понял, что она говорит в точности то, что думает. Я оглянулся по сторонам. Пока на нас никто не обращал внимания, но когда я сниму пиджак и засучу рукава, это станет настолько похоже на семейную сцену из сериала, что все начнут пялиться и давать прикольные советы, и Егор с Пашкой, распивая очередную бадью «Очковского», вдумчиво обсудят, что Игорь все-таки влюбился в виртуальную проститутку, совсем пропал человек. С другой стороны, если я не сделаю этого... ничего страшного не

произойдет, в мире полно симпатичных и обаятельных девушек, про которых не говорят, что они приторговывают своим телом. Но на этих девушек мне почему-то наплевать.

Я стиснул зубы и снял пиджак. Я засучил рукав и почти что ткнул внутренней стороной предплечья в лицо Маринки. Она отшатнулась, перехватила мою руку своими и внимательно осмотрела вену. Я засучил другой рукав. Эту вену она осмотрела куда более бегло. Маринка положила руку мне на плечо и тихо сказала:

– Извини.

– Я еще не закончил. Сейчас вены на бедрах покажу.

– Не надо, Игорь, я тебе верю.

– Нет уж, раз надо, так надо. – Я посмотрел, куда бы повесить пиджак, и не увидел ничего подходящего. Я попытался сунуть его Маринке в руки, но она отступила на шаг, и мой порыв угас. Я откатал рукава обратно, застегнул пуговицы и надел пиджак.

– Ты удовлетворена? – спросил я Маринку.

– Извини, – она неуверенно прикоснулась ко мне, – я так испугалась.

– Чего испугалась?

– Что ты наркоман. Это так страшно. Да, наркомания – это страшно, но не настолько, чтобы устраивать такие сцены. Я спросил:

– У тебя есть знакомые наркоманы?

– Можно и так сказать.

«Лучше сказать – клиенты?» – подумал я и сказал резко, чем хотел первоначально:

– Знаешь, Маринка, про тебя говорят странные вещи. Ее лицо изменилось: взгляд застыл, мимика остановилась, как в стоп-кадре видео. Я продолжил:

– Говорят, ты работаешь после учебы. Она молчала.

– Марина, скажи, пожалуйста, где ты работаешь. Она молчала.

– Если ты не скажешь, Марина, этот разговор между нами последний.

Она не сказала. Она зажмурила глаза, закрыла лицо руками, но все равно было видно, что ее лицо покраснело, она громко всхлипнула, отвернулась к стене и заплакала.

Я глупо оглянулся. Метрах в двух от нас стоял Андрей. Он смотрел на меня и злорадно улыбался. Наверное, с таким выражением лица смотрят порнуху для садистов. Мне захотелось ликвидировать его, под черепом вяло заворочался нематериальный насос, мои глаза расширились, ноздри раздулись, а руки сжались в кулаки. Андрей не испугался и не отвел взгляд, он улыбнулся, поднял вверх большой палец, кивнул мне и отвернулся. Я почувствовал такую гадливость, что моя ярость моментально прошла.

Несколько групп студентов стояли неподалеку и делали вид, что не смотрят на нас. Я повернулся к Маринке и взял ее за плечи. Я просто хотел ее успокоить. Внезапно я почувствовал, что исполняю роль положительного мужского героя

бразильского сериала, то есть делаю как раз то, что ждут от меня обступившие нас зрители. Завтра эту сцену будет обсуждать весь курс. Пацаны, вы не поверите, Гончаров приперся на вторую пару в стельку пьяный, начал говорить, что Бога нет (ха-ха), а потом устроил разборки с Маринкой Тимофеевой (Это которая проститутка? Ага, та самая. Ха-ха-ха). В натуре, пацаны, как в сериале, она подумала, что он наркоман (во дура), начала ему вены проверять (ха-ха-ха), а он ей что-то сказал, она заплакала, а он ее начал успокаивать, да так нежно и ласково (ха-ха-ха, во дурак, он что, не знает, что она проститутка? Ха-ха-ха).

Эти мысли пронеслись в моей голове, мои зубы сжались, руки дрогнули, и вместо того, чтобы нежно и успокаивающе обнять плачущую девушку, получилось, что я ее толкнул. Маринке пришлось выставить вперед руку, чтобы не удариться лбом об стену. Она оттолкнула меня и яростно выкрикнула:

– Иди к черту!

И убежала. А я стоял как дурак и думал, что теперь понимаю смысл выражения «Хочется провалиться сквозь землю».

Глава четвертая, в которой я совершаю доброе дело

Я вошел в виртуальность. В полупрозрачном режиме, как обычно. Я вошел в поисковую систему и дал запрос «Марина Тимофеева». Естественно, поисковая система выдала какую-то ерунду. Тайна личности, изволите ли видеть. Даже мент не может получить подробное личное досье без достаточных оснований, что уж говорить о простом любопытном пользователе. Я попытался вспомнить, что чувствовал, когда заколдовывал доску в лекционном зале (заколдовывал? А что, подходящее слово). Вспомнил и повторил запрос. На этот раз компьютер задумался надолго, я даже подумал, не оборвалась ли связь. Но через минуту я получил то, что хотел.

Марина Александровна Тимофеева, 18 лет, студентка 2-го курса МГУ. Адрес проживания, аттестат зрелости, зачетная книжка – ничего интересного. Медицинская карта. Действительно, у нее обратимая стерильность, операция сделана в 15 лет. У меня заныло сердце – она наверняка проститутка, причем, скорее всего, не только виртуальная, иначе просто незачем делать такую дорогую операцию так рано. Кредитная история – копеечные доходы, копеечные расходы. Ежу ясно, что основные деньги этой девушки – наличные, причем из тех наличных, которые называют черными.

Информация о родителях. Отец – Александр Александрович Тимофеев, умер три года назад, раньше работал в частном охранном предприятии. Причина смерти – губчатая энцефалопатия. Ого! Это же коровье бешенство. Не хотел бы я, чтобы такое случилось с моим отцом, этого и врагу не пожелаешь. Мать – Юлия Георгиевна Тимофеева, домохозяйка. Место рождения – город Урюпинск Тамбовской области. Я и не знал, что город из анекдотов существует на самом деле. Образование среднее, никогда не работала. Инвалид первой группы. Причина инвалидности – хроническая форма губчатой энцефалопатии...

Если говорить по-простому, мозги давно уничтожены прионом, а тело живет в режиме овоща и может так существовать еще десятки лет. Я никогда не понимал, зачем врачи лечат больных коровьим бешенством, по-моему, лучше сразу умереть, чем долгие годы существовать бестолковым и беспомощным бараном.

Итак, три года назад Юлия Георгиевна купила на рынке, а может, и в супермаркете, кусок зараженной говядины. Дочка, очевидно, дома не ужинала, а вот папа с мамой с удовольствием полакомились натуральным мясом. Возможно, это был бифштекс, а может быть, котлеты, теперь это совершенно не важно. Важно то, что через неделю папа умер очень неприятной смертью, а маму врачи сумели спасти. Ну это они считают, что сумели спасти, по-моему, лучше бы не спасали, а сама Юлия Георгиевна уже три года ничего не счита-

ет, потому что физически не способна что-либо считать. Через два месяца дочка сделала себе обратимую стерильность в маленькой частной клинике. Я готов поспорить на что угодно, что к этому времени она уже трудилась в борделе.

Ну и что мне делать со всем этим? Я подумал, что настало время сотворить что-нибудь хорошее. Позавчера я размышлял, чем могу быть полезен в народном хозяйстве, почему бы не попробовать свои силы здесь и сейчас? Я мысленно обратился к тому, что живет в центре моего мозга, и потребовал, чтобы Маринкина мама была здорова. Потом вспомнил многочисленные сказки про исполнение желаний и поспешно добавил: без значительных побочных эффектов.

Я вышел из сети и вошел в нее снова, на этот раз как обычный рядовой пользователь, отключив свои необычные способности. Я написал Маринке короткое письмо, в котором извинился за произошедшее сегодня. Подумал, не стоит ли написать, что я, кажется, влюбился, но решил, что еще не время. Сначала надо разобраться в своих чувствах.

Ответ пришел через считанные минуты. Мои извинения были приняты, Маринка на меня больше не злится и вообще считает, что вела себя как дура. Короче говоря, инцидент исчерпан.

* * *

Те две пары, что были в четверг, упоминания не заслужи-

вают, ибо на них не произошло абсолютно ничего интересного.

В перерыве я подошел к Маринке и еще раз извинился, на этот раз устно. Она приняла мои извинения, но выглядела при этом непривычно задумчиво, даже немного подавленно. Я спросил, что с ней случилось, она сказала, что ничего. Потом, подумав и, помолчав, она предложила сходить после занятий в беседку. Я согласился.

По дороге в беседку Маринка купила пол-литра джин-тоника. Я удивился. В принципе в беседку не запрещается приходить со своей выпивкой, но это считается очень дурным тоном. И то, что она выбрала джин-тоник... я не ожидал этого от нее. Маринка не похожа на девушек, которые любят джин-тоник, она не злоупотребляет косметикой, не носит одежду попугайской расцветки, и в ее глазах виден нормальный человеческий интеллект.

Я взял себе кружку «Мадам Бочкиной» и пачку фисташек. Хотел было угостить Маринку эмэндэмсами, но она отказалась. Мы сели за столик, и воцарилось неловкое молчание, как в тот воскресный день, когда мы сидели за пивом и не знали, как предложить друг другу переместиться в постель, не показавшись при этом персонажами неприличного анекдота. Господи, с тех пор прошло всего четыре дня, невозможно поверить!

Маринка достала из кармана пачку «Marlboro lights» и закурила, я и не знал, что она курит. Она сделала пару затяжек

и начала говорить, часто прерываясь, чтобы затануться или отхлебнуть из банки. Пока она говорила, она успела выкурить две сигареты, а ее банка джин-тоника совершенно опустела. Я дернулся было, чтобы купить ей пива, но передумал. Меня заворожила ее речь, раньше я думал, что так говорят только в женских романах. Но, оказывается, такое бывает и в жизни, причем выглядит это не так пошло, как могло бы показаться. Итак, Маринка начала говорить:

– Знаешь, Игорь, мне кажется, ты очень необычный человек. Не знаю, что в тебе странного, но я это чувствую, хотя словами объяснить не могу. Извини, я говорю сумбурно, ты, скорее всего, ничего не поймешь, но мне надо это кому-то сказать. А может, ты и поймешь, пусть и не все, но хоть что-то.

Мне надо кому-то выговориться уже несколько лет. Иногда мне кажется, что я схожу с ума. Я живу, я работаю, я учусь, веду домашнее хозяйство, смотрю фильмы, играю в игры, но часто кажется, что это не я. Будто я смотрю фильм про свою собственную жизнь, и это так... отстраненно, что ли... Мне кажется, что жизнь идет как-то иначе, будто я играю в «Цивилизацию», нажала Save, поиграла еще немного и понимаю, что где-то сделала что-то не то, что надо восстанавливаться, но нажимать Load почему-то не хочется, и я смотрю, что будет дальше, зная, что нажать Load никогда не поздно. Только в жизни я не знаю, как нажать Load.

Я действительно проститутка. Уже три года. Вначале ра-

ботала в реале, теперь – в виртуальности. Не бойся, я неразна, уже больше года я работаю только в виртуальности. С тех пор, кстати, у меня не было ни одного мужчины в реале. Правда, странно – проститутка страдает от полового воздержания? Моя жизнь вообще очень странная с тех пор, как умерли родители.

Тогда мне было пятнадцать лет, я училась в десятом классе, мы с друзьями пошли на майские праздники в поход на Истру, а когда вернулись, папа был уже мертв. Я отключила радиоприставку, мы все отключили мобильную связь, это было как правило игры. Мы как бы играли в пионеров-первопроходцев, делали вид, будто на тысячу километров вокруг никого нет, будто нас окружает не подмосковный лес, где пустых бутылок больше, чем грибов, а что-то далекое, сибирская тайга, что ли...

Мама успела вызвать «скорую», они приехали, но сделать ничего не смогли. Да, они сохранили маме жизнь, но я часто думаю, лучше бы они вообще ничего не делали. У них с папой было коровье бешенство, прион пятого класса вирулентности. Когда я пришла домой, квартира была опечатана. Ее полностью дезактивировали, часть вещей уничтожили, а то, что осталось, воняло так, что я больше не могла там жить.

То, что моя мама выжила, – настоящее чудо. Обычно прион пятого класса убивает за считанные часы, причем больной даже не успевает понять, что случилось. Они с папой пили вино. А когда прион поступает в организм вместе с алко-

лем, все симптомы списываются на опьянение. Хочется лечь поспать, кажется, что все пройдет, но ты больше не просыпаешься. А если просыпаешься и понимаешь, что надо вызвать «скорую», то уже не можешь говорить и почти не способен на связные мысли. Мама все-таки вызвала «скорую», это мне сказали врачи, они искренне считали, что ей повезло. А, по моему, лучше умереть, чем так жить.

Когда я впервые увидела ее в больнице, мне было так страшно... Я знала, что такое коровье бешенство, знала, что мозг физически разрушается, что это хуже, чем обычное бешенство. Но одно дело знать, а другое – видеть своими глазами. Мне казалось, что все будет, как это обычно случается в больницах: мама лежит в постели, я подхожу к ней, присаживаюсь рядом, она говорит что-то ободряющее, вроде того, что не расстраивайся, я выздоровею, все будет хорошо. Я отвечаю, конечно, мама, все будет хорошо, раскрываю сумку, вытаскиваю всякие там фрукты, другие вещи, мы говорим о пустяках, она спрашивает, как было в походе, я рассказываю, естественно, не о том, как мы курили анашу, и не о том, что меня два раза трахнули, а о том, как мы шли по лесу с рюкзаками, и сидели у костра, и пели песни, и как все это было прекрасно.

А получилось совсем иначе. Врачи предупреждали меня, что это будет «неприятно», но это оказалось ужасно. Мама лежала в кровати, ей постоянно кололи успокоительное, она была привязана ремнями, но казалось, что они ее не удержат.

Она страшно похудела, вся тряслась, тело выгибалось дугой, лицо искажалось какими-то нечеловеческими гримасами, которые постоянно менялись. Это были не ужас, не улыбка, это вообще было ни на что не похоже, казалось, мышцы лица живут своей жизнью, причем в отдельности друг от друга. Она тогда была похожа на терминатора из фильма, у которого сломался мозг и он бьется в судорогах. В кино это интересно и даже смешно, а в жизни – кошмар. Еще было похоже, что у мамы под кожей шевелится выводок червей, тараканов или чего-то такого же противного. Мама все время говорила. Она говорила невнятно, интонация постоянно менялась, но слова были понятны. Это было чем-то схоже... знаешь, как вирус «Ниндзя» генерит заголовки зараженных писем? Примерно так же. Слова, обрывки фраз, иногда довольно длинные, однажды она сказала даже: «Я люблю тебя, моя маленькая жабочка», – она так меня называла, когда я была совсем маленькая, но только теперь это говорила не она, ее уже не было как личности, мозг распался на фрагменты, и каждый из них делал то, что умел, и никакой координации между ними не было. Это потом врач мне все объяснил, а тогда, как только я услышала, что мама любит меня, я то ли упала в обморок, то ли случилось еще что-то, я не помню.

Я очнулась в пустой палате, на кровати-каталке, у меня страшно болела рука после инъекции, мне показалось на секунду, что я тоже заболела, я захотела закричать, но не смог-

ла. Меня начало трясти, я скатилась на пол, прибежала сестра, мне вкололи успокоительное, и я проснулась только следующим утром. Со мной говорил врач, его звали Михаил Ахмедович, только он был совсем не похож на хача, скорее на того придурка из рекламы жвачки. Очень добрый, спокойный, он мне все объяснил, но я и сама знала, что коровье бешенство не передается от человека человеку, что активная стадия никогда не длится больше недели, а обычно заканчивается гораздо быстрее, что потом наступает общая заторможенность, иногда переходящая в паралич, и что уже сейчас моя мама спит, и я могу на нее посмотреть. Я зарыдала, мне было страшно смотреть на нее, и я больше никогда ее не видела.

Михаил Ахмедович долго поил меня чаем, он почти успокоил меня, но ему было неудобно, он все время смотрел на часы, ему надо было куда-то идти, но он не мог оставить меня в таком состоянии. Наконец я собралась с силами, попрощалась и ушла. Мне показалось, что он почувствовал облегчение. Я вышла на улицу и поняла, что не знаю, куда идти – квартира была опечатана после дезактивации. Наверное, в медицине предусмотрена какая-то процедура для таких случаев, до сих пор не знаю.

Ко мне подошел незнакомый мужчина в дорогом костюме и пригласил к нему в машину. Мне было все равно. Я подумала, что сейчас он меня изнасилует, а после чего убьет, а потом мне будет совсем все равно. Я пошла за ним, как сомнам-

була, и села в автомобиль, это оказался почти новый «Ленд Крузер», но тогда я этого не заметила. Я сидела и смотрела в одну точку, а он все говорил и говорил. Я удивилась, почему он не нападает, стала прислушиваться к его словам и попросила все начать сначала.

Он удивился и даже чуть-чуть разозлился, но потом понял, что я вовсе не издеваюсь над ним, и начал сначала.

Оказалось, что этого человека зовут Станислав Сергеевич, но я могу звать его Борманом, это было его погоняло. Я сначала не поняла, что такое погоняло, я подумала, что он имеет в виду фамилию, и сказала, что он не похож на еврея. Он долго смеялся, а потом сказал, что погоняло – это прозвище. Выяснилось, что мой папа был вовсе не охранником, а бандитом. Не слишком хорошим бандитом, но семья все равно поможет мне, потому что мне сейчас очень тяжело, а помогать тем, кому тяжело, – святой долг каждого приличного человека. Меня повезли на какую-то дачу, я жила там с неделю, пока немного не пришла в себя.

Я думала, что меня обязательно изнасилуют, но никто меня не трогал. Все обращались со мной очень бережно, особенно проститутки, их там все время было человек пять, они постоянно менялись, но не исчезали навсегда, а через какое-то время возвращались. Они все были такие добрые.

Потом Борман сказал, что я должна отписать квартиру семье, что вроде как, по понятиям, это квартира семьи, а папа ее вовсе не купил, а ему ее купила семья, и несправедливо,

что квартира больше семье не принадлежит. Я не возражала, мне было все равно. Приехал нотариус, я подписала какие-то бумаги, и жизнь продолжилась. Я тогда много пила и курила травку, и дни проходили будто в тумане. Одна девочка даже предложила мне героин, она уколола меня, но я тут же вспомнила больницу и как мне кололи димедрол, я разозлилась и расплакалась, и прибежал Карабас-Барабас – главный охранник. Он добрый и смешной, это только погоняло у него такое. Он отругал эту девицу, даже ударил ее, а потом успокаивал меня, носил на руках и убаюкивал, как ребенка. Больше я никогда не кололась. Наверное, если бы не больница, я бы села на иглу.

Потом я захотела вернуться к себе домой, мне показалось, что семья делает мне так много хорошего, что неудобно пользоваться всем бесплатно. Я сказала Борману, что очень ему благодарна, но хочу вернуться домой, а он смутился и сказал, что в этой квартире мне больше жить нельзя и что я сама не захочу там жить. Я обиделась и потребовала, чтобы меня туда отвезли. Мы туда приехали вместе с Карабасом-Барабасом. В квартире жили какие-то азербайджанцы, я потом поняла, что они делали наркотики, и действительно не захотела там жить. Не из-за азербайджанцев, а потому что постоянно вспоминала маму. Здесь она спала, здесь она сидела, когда смотрела телевизор, эти цветы она очень любила, поливала и расстраивалась, когда они засыхали или их листья поражала какая-то болезнь. Я расплакалась, и Ка-

рабас-Барабас отвез меня обратно. Я жутко напилась и плакала весь вечер. Ночью Карабас-Барабас меня трахнул. Не помню, как это было, я слишком напилась, но думаю, что не так уж и плохо, он вообще добрый и заботливый. Только какой-то... дерганый, что ли, как все бандиты.

Борман сказал, что подобрал мне комнату неподалеку от моей старой квартиры и что я могу там жить. Эта комната находилась в большой пятикомнатной квартире, в других комнатах которой был бордель. Сначала семья платила мне, как говорил Борман, пенсию. А потом я решила тоже работать, не из-за денег, скорее из любопытства. И еще мне так нравились мои соседки, они были такие хорошие девчонки, я хотела быть среди них своей, мне было неудобно, что они постоянно подкармливали меня всякими деликатесами, дарили дорогие подарки. Я хотела стать такой же самостоятельной, как они, а не сопливой дурехой. Я несколько раз потрахалась за деньги, а потом об этом узнал Борман, всех страшно изругал и перевез меня в другой бордель, где работали малолетки.

Так и пошло – днем я ходила в школу, а вечером ложилась в постель. Меня пользовали нечасто, этот бордель был не то чтобы элитный, но и не самый дешевый, семья следила за тем, чтобы девочки не теряли «товарный вид». Каждый шестой день у меня был выходной, я ходила на дискотеки, однажды накопила отгулы за два месяца и съездила в Турцию с одной девчонкой из наших. Платили мне хорошо, денег хва-

тало, в субботниках я не участвовала, наверное, из-за того, что Борман сам меня трахал время от времени. Потом семья открыла виртуальный бордель, вот с тех пор я там и работаю. Я вернулась в свою квартиру, по-прежнему вспоминаю маму, но уже более отстраненно, теперь я редко плачу, когда думаю о ней.

Ни в школе, ни в университете о моей работе никто не знает. То есть так я думала. Сейчас – не знаю... В общем, мне на это наплевать. Я сама не понимаю, зачем учусь, скорее всего, я так и буду проституткой, пока не состарюсь или не выйду замуж за миллионера. Такое бывает, причем чаще, чем полагают. Наверное, мне придется отчислиться. Ну и черт с ним.

Маринка затушила вторую сигарету и посмотрела на меня отсутствующим взглядом. Она сказала:

– Не знаю, зачем я тебе все это рассказала, наверное, надо было выговориться. Не бери в голову, просто забудь. Мне показалось, что ты меня поймешь. Теперь, думаю, ты вообще не захочешь меня трахать после всех ужасов, что я рассказала. А жаль, ты замечательный любовник.

– Ты у меня вторая, – сказал я, сам не знаю зачем. – А первая – проститутка с Тверской, я ее трахнул только один раз. Так что я совсем неопытный любовник, наверное, просто удачно получилось.

Маринка рассмеялась:

– Профессия проститутки в принципе дурная, очень лег-

ко сесть на иглу, часто появляются всякие отклонения в психике, но у этой профессии есть одно большое преимущество – она учит разбираться в людях. Да, ты совсем неопытный, это сразу чувствуется, такой стеснительный, – она хихикнула, – но все равно мне еще ни с кем не было так хорошо, даже с Ленкой.

– С Пуховой? – У меня отвисла челюсть. Так вот при каких обстоятельствах Маринка раскрылась перед Ленкой!

– Да ты что! – Маринка засмеялась. – В моем втором борделе одну девчонку звали Ленкой. Она была лесбиянкой, у нас это часто бывает, мужики – это как бы работа, а хочется, чтобы любовь и работа были отдельно. Ленка в меня влюбилась, прямо по самые уши. Долго меня соблазняла, в конце концов добилась своего. С ней было вправду очень хорошо, только она потом дурная стала. А в прошлом году умерла – передозировка. А с тобой – это совсем не то, это... ну, понимаешь, обычно мужики думают только о себе... ну не могу я это объяснить! Да и вообще ты какой-то... такой спокойный всегда, несуетливый, уверенный, но не дурак, как Андрюшка. Я давно хотела с тобой переспать, даже не переспать, а... дружить, что ли... Я так порадовалась, когда ты начал ко мне клеиться. Только я боялась, что ты трахнешь меня и тебе станет неинтересно, впрочем... – Она погрустнела. – После этого разговора вряд ли ты меня еще захочешь. – Она встала. – Ладно, Игорь, прощай! Если что, пиши-звони, только подумай хотя бы дня два-три, сейчас ничего не решай, сей-

час в тебе комплексы играют, типа я, крутой рыцарь, должен спасти бедную девочку, а меня не надо спасать, я...

Маринка прервала свою речь на полуслове. Взгляд стал отсутствующим, левая рука машинально раскрылась ладонью вперед. Самый обычный жест – мне звонят по телепатической связи. Прошло не более трех секунд, и Маринкино лицо стало бледным, как у вампиров из сериала, глаза расширились, челюсть отпала. Я сразу понял, кто ей звонит. И подумал, вспомнив дурацкую рекламу, «е-мое, что же я наделал-то?»

Я встал и тихо вышел. Я хотел поцеловать Маринку на прощание, но, взглянув еще раз в ее отсутствующие глаза, решил, что этого делать не стоит.

* * *

В пятницу Маринка в университет не приехала. Егор посетил все четыре пары, так же, как и я (какой кретин поставил четыре пары в расписание на пятницу?), но мы с ним почти не разговаривали. На его вопросы я отвечал односложно, и в конце концов он перестал ко мне приставать. О вчерашнем шоу на философии никто со мной не говорил. О том шоу, которое мы с Маринкой устроили в коридоре после философии, тоже никто не упоминал. Короче говоря, никто ко мне не приставал, и я мог спокойно предаваться размышлениям.

Я влюбился в Маринку, это уже совершенно очевидно. Глупо любить проститутку, во всех книгах черным по белому написано, что проституция оставляет глубокие следы в психике человека: депрессии, алкоголизм, наркомания, нимфомания, другие сексуальные отклонения, венерические болезни, замечательный букет, не правда ли? Но мне на это наплевать. Думаю, вылечить сифилис для меня не намного труднее, чем снять похмелье, но, даже если это не так, я все равно хочу быть с Маринкой. Именно быть с ней, а не просто трахать ее.

Впрочем, если я действительно вылечил ее маму, ближайшую пару недель ей будет не до меня. Я попытался представить себе, что сейчас делают Маринка и ее мама, и, чем больше я думал, тем больше мне становилось не по себе. Похоже, я заварил кашу покруче, чем в «Санта-Барбаре».

Когда я ехал домой, Маринка мне позвонила. Мне уже надоело каждый раз говорить, что все звонки в нашем мире делаются через телепатический интерфейс встроенного в мозг компьютера. Считайте, что это – последнее упоминание.

Телепатическая связь – очень странная штука, привычная, но, если вдуматься, все-таки странная. Если общаются практически незнакомые люди, телепатический разговор мало чем отличается от голосового. Но чем ближе собеседники друг к другу, не географически, а эмоционально, тем больше оттенков мыслей и чувств передается от мозга к мозгу напрямую, минуя речевой центр. Наш разговор трудно пере-

дать одними словами, но я все-таки попробую.

– Привет, Маринка! На пары решила забить? Контрольной по матану не боишься?

– Игорь, привет! Какие, к черту, пары! Тут такое творится! Игорь, ты не обидишься, если я еще раз использую тебя как энергетическую помойку?

– Нет, конечно. Рассказывай.

– Помнишь, что я вчера говорила про маму?

– Конечно.

– Так вот, она жива и здорова. Она абсолютно выздоровела. Вчера, когда мы сидели в беседке, она мне позвонила. Обычно психбольным блокируют мобильную связь, чтобы они не доставали знакомых, не вызывали в психушку пожарных и милицию, и все такое прочее. А ей забыли это сделать, и за три года никто этого так и не заметил, у нее мозг совсем не работал, она не то что позвонить, а даже говорить не могла. И вот вчера она мне позвонила. Я вначале подумала, что это чья-то шутка, я взбесилась, думаю, сейчас выскажу все, что думаю о таких уродах, а потом поняла, что это на самом деле мама, и просто обалдела. Я сидела и плакала, внутри, ну ты знаешь, как это бывает, когда говоришь по телесвязи.

Естественно, я это знаю. Когда телепатический интерфейс активизирован, он берет на себя большинство проявлений эмоций, а снаружи человек совершенно спокоен, лицо застывшее, мимики нет, сразу видно, что он говорит по те-

лесвязи. Внутри он может хохотать, как сумасшедший, или биться в истерике, но, что бы он ни чувствовал, внешне этого не видно. Такая вот странная особенность. Тем временем Маринка продолжала:

– Не знаю, от чего я плакала, от радости или от ужаса. Скорее от радости, однозначно от радости, но все равно... знаешь, это как будто покойник воскрес... Она ничего не помнит, совсем ничего. Задала вопрос, нашла ли я, что поесть, а я спросила «когда?» А она спросила, сколько времени она провела без сознания, а я ответила, что три года. Потом она долго молчала, а потом посетовала, что не может связаться с папой. Я сказала, что он умер, она спросила, отчего, а я объяснила, что от коровьего бешенства. Мама опять надолго замолчала, я ждала, что на ее глазах появятся слезы, но она не заплакала. Лучше бы заплакала.

Потом мы говорили с ней целый час. Я рассказывала, как прожила это время, а она молчала почти все время, и я чувствовала – так молчат, когда готовы выхватить нож и кого-нибудь убить. Оказывается, Борман кинул меня с квартирой – папа купил ее на собственные деньги, и вообще, мама сказала, что семья помогает только тогда, когда бандитам от помощи получается выгода. Я не поняла, в чем выгода для семьи от того, что они меня бесплатно кормили и всячески обо мне заботились, а она сказала, что, если бы обо мне не заботились, быки стали бы думать, что, если они умрут, с их детьми будет то же самое, а для семьи нехорошо, когда бы-

ки так думают. Потом мама спросила, не пытались ли меня посадить на иглу, а я сказала, что нет, только один раз одна девочка предложила мне уколоться, я укололась, мне стало нехорошо, после чего Карабас-Барабас эту девчонку потом побил. Мама сказала «ну-ну», и мне стало страшно. Я поняла, что это вполне в стиле Бормана – вначале всячески помогать, а потом представить дело так, будто он помогал и заботился, а бедная девочка совсем ополоумела от горя, начала колоться, вы же понимаете, такое горе, извините, братья, не уследил. И все довольны, авторитет крестного отца на недосягаемой высоте, а меня сдают в бордель – ну вы же понимаете, братья, она теперь конченный человек, пусть хотя бы пользу приносит. Через пару лет я умираю, а еще через год обо мне все забывают. И все довольны. У семьи появилась на халяву новая квартира, Борман всем показал, какой он добрый и человечный, братья гордятся тем, что в нашей семье детей не бросают в беде, все замечательно. Вот только я на иглу не села. Чисто случайно, из-за нелепой случайности, которую нельзя было предусмотреть. Тогда Борман поселил меня в борделе, да, конечно, мне выделили особую комнату, но не нужно быть гением, чтобы понять, что случится в этом случае с одинокой сопливой девчонкой. А моих подруг наверняка проинструктировали, чтобы обращались со мной хорошо и не обижали. Вот так – и волки сыты, и овцы целы. Общечеловеческие ценности соблюдены, а семья получила в доход еще одну квартиру и еще одну проститутку. Хоро-

ший аналитик извлекает пользу из самых неудачных обстоятельств, а Борман – очень хороший аналитик.

Мама очень печальна, зла и испугана. Она очень любила папу и не может поверить, что он умер, еще не до конца все осознала, а когда поймет, ей будет очень тяжело. Но пока мы говорили, она почти не думала о папе, она думала обо мне. Ее так сильно потрясло, чем я теперь занимаюсь... Оказывается, она тоже была проституткой, с моим папой они познакомились в постели, у них был субботник, а папа тогда работал в террор-группе, это потом, когда я уже родилась, он ушел в охрану. Папа тогда поссорился с Борманом, сказал, что не будет заниматься убийствами, потому что это отвратительно. Борман сказал: «Раньше тебе это не было отвратительно», а папа ответил, что раньше у него не было жены и дочери. Борман сказал: «Зря я отдал тебе эту шлюху», а папа взорвался: «Не смей называть мою жену шлюхой!», и Борман извинился, но обиделся. Но его обида была не сильной, если бы Борман обиделся всерьез, папу бы убили менты, а потом к нам пришел бы начальник ментовки, извинился и принес бы за кормильца штраф. А так папа стал работать рядовым охранником, и денег он приносил теперь в три раза меньше, а в остальном все было нормально.

Я спросила маму, не думает ли она, что это Борман отравил их прионом, но мама сказала, чтобы я не порола чушь, что, если бы Борман хотел их убить, он бы сделал это гораздо проще. И вообще, Борману незачем было их убивать, а

просто так, без нужды, он никого не убивает.

Я спросила маму, как мы теперь будем жить, а она сказала, что пока не знает, что ей надо думать. И еще, чтобы я никому не говорила, что она выздоровела.

– Может, тебе не стоило и мне все это рассказывать? – Я прервал Маринку.

– Может, и не стоило. Жутко стало?

– Есть немного.

– Наверное, не стоило. Большинство людей живут своей жизнью и думают, что она прекрасна. А когда узнаешь, что совсем рядом есть другая жизнь, которая совсем не так хороша, то становится жутко. По себе знаю. Ладно, забудь. Я выговорила, ты меня выслушал, теперь я хоть чуть-чуть стала соображать. Буду решать, что делать дальше, в универ я теперь ходить не стану, на хрен мне все это надо? Маму выпишут, и мы уедем куда-нибудь подальше.

– Ты же говорила, что твоя мама совсем выздоровела?

– Она же три года валялась в памперсах, теперь сама с кровати встать не может. У нее атрофировались мышцы, ей теперь надо заново учиться ходить, держать ложку, когда ест, практически все ей надо заново осваивать.

– И сколько это займет?

– Откуда я знаю, может, месяц, может, полгода.

– Думаешь, за это время Борман не узнает, что она выздоравливает?

– Наверное...

– А что он тогда делает?

– Хрен его знает. Убьет, наверное. Даст денег врачам, они ее придушат, и даже расследования не будет. Лежала три года овощем и вдруг умерла ни с того ни с сего, такое часто бывает.

– А зачем ему ее убивать?

– Так она же всем расскажет, что Борман отнял у меня квартиру. От этого на Бормана могут обидеться... террористы хотя бы. Они очень уважали моего папу, если верить маме.

– А если мама пообещает, что никому ничего не скажет? Квартиру он тебе вернул...

– Я там временно живу, пока ему моя квартира не нужна. Этих азербайджанцев потом взяли менты, и квартира была под наблюдением. Вот он и поселил меня туда, чтобы они' подумали, что теперь там все чисто. А если она ему снова понадобится, он мило улыбнется и выгонит меня обратно в бордель или в какую-нибудь коммуналку.

– Ну так если твоя мама никому ничего не скажет про то, как он у вас отнял квартиру, а он не будет вас выгонять, зачем ему ее убивать?

– Она скажет. Она не сможет сдержаться, и он это тоже знает. Нет, он ее точно убьет.

Я задумался. Что-то вертелось в моей голове, какая-то мысль, про которую я точно знал, что это – решение проблемы, но я никак не мог ее сформулировать. Я обратился к

тому новому и чуждому, что теперь живет в моей голове, и неуловимая мысль моментально вынырнула на поверхность. Интересно, есть ли в этом мире что-нибудь, что я не могу? Я сказал:

– Маринка, а ты помнишь, что было с этим... как его, ну, японцем, который сам вылечился от R2 без всяких лекарств?

– Якадзуно... Таканака, что ли?

– Что-то вроде. Помнишь, что с ним было потом?

– Ну... его долго обследовали, он чуть ли не год совсем здоровый валялся в больнице, а потом из его крови сделали вакцину, а ему дали кучу денег.

– Он лежал не просто в больнице, а в федеральном госпитале в Токио. Если твою маму переведут, к примеру, в Кремлевку, Борман сможет ее убить?

– Ой, и правда! Точно! Тогда нам вообще ничего не надо делать, главное, чтобы Борман ничего не узнал сегодня-завтра.

Я отметил, что Маринка сказала не «мне», а «нам», но не стал заострять на этом внимание. Вместо этого сказал:

– Ты лучше позвони каким-нибудь журналистам, пусть сделают репортаж. Тогда ее увезут в Кремлевку уже сегодня, а там Борман ее не достанет. – Меня посетила еще одна мысль. – И пусть она скажет в интервью, что очень благодарна Борману за то, как он с тобой обошелся. Типа хорошо заботился о моей доченьке, а про квартиру пусть скажет, что она действительно принадлежит семье и что мама благодар-

на ему, что он тебя не выселил. Тогда у него и повода не будет ее убивать.

– Игорь, ты гений! – воскликнула Маринка и тут же повесила трубку. Наверное, собралась звонить в «Московский богомолец».

Глава пятая, в которой я делаю деньги из ничего

Мне было скучно. Я заглянул в холодильник и увидел там с десяток бутылок «Афанасия». Порылся в недрах кухни, выкопал пучок вобл, уселся в большой комнате перед телевизором и включил свободный поиск.

Свободный поиск – это когда телевизор сам решает, что показывать, исходя из того, что пользователь смотрел раньше и что из просмотренного ему больше понравилось. Еще при свободном поиске процессор телевизора непрерывно сканирует мозговой процессор и отслеживает состояние эмоциональных центров. В общем, считается, что ты смотришь именно то, что хочешь сейчас смотреть. На самом деле так не получается – либо телевизор непрерывно переключается с канала на канал, либо зацикливается на каком-нибудь сериале про дикую природу. Говорят, если тонко настроить матрицу чувствительности, можно добиться эффекта, о котором говорится в рекламе, но реально свободный поиск хорош только тогда, когда надо убить время, и я очень редко включаю этот режим. Только если телевизор в данный момент рассматривается как приложение к пиву. Я успел выпить первую бутылку и ополовинить вторую, когда мне позвонил Егор.

– Привет! – сказал я.

– Привет! Как дела?

– Да ничего, нормально.

– Что делаешь?

– Квашу.

– С кем?

– Сам с собой.

– Что завтра собираешься делать?

– Хрен его знает, скорее всего, тоже квасить. Предлагаешь куда-нибудь выбраться?

– Не знаю. У меня родители дома торчат, у отца завтра какое-то шпионское дело. Если б они на дачу свалили, можно было бы собраться.

– Так приезжай ко мне.

– Во сколько?

– Хоть сейчас.

Егор на секунду задумался.

– А что, приеду. Что пить будем?

– Я – пиво.

– ОК. Закажи мне «Очаковского». Я замаялся.

– Егор, тут такое дело...

– Денег нет? – Кажалось, Егор удивился. – Ничего, у меня есть. Напомни номер счета.

Я напомнил. Через несколько секунд Егор сказал:

– Еду. – И повесил трубку.

Еще через пару минут я услышал, как из кухни доносится позвякивание – заказанные Егором бутылки загружались в

холодильник. Я посмотрел, что заказал приятель, и удивился: «Хольстен», причем не только светлое, но и темное. Не иначе, появились деньги. И с каких это пор он стал учитывать вкус собутыльника при выборе выпивки? Впрочем, закуску Егор, как обычно, не заказал. Ну и хрен с ним.

* * *

Егор приехал довольно быстро – примерно через час. Мы засели перед телевизором и начали культурно проводить время. Я ожидал, что сокурсник предложит заказать девочек (он же нынче при деньгах) или посмотреть какой-нибудь голливудский боевик про хороших полицейских и плохих бандитов, но вместо этого Егор придвинул к себе пепельницу, закурил и спросил меня:

– Новости смотрел?

– Угу. Ничего интересного.

В новостях действительно не было ничего необычного. Генеральный прокурор в очередной раз сообщил, что зачистки взяточников в ближайшее время проводиться не будут, известного телеведущего признали-таки достойным принудительной психокоррекции, но он собирается оспаривать приговор суда, узбекские террористы опять что-то взорвали, короче, все как обычно. Егор, однако, засек в новостях нечто действительно любопытное.

– Там Маринку Тимофееву показывали.

– Где?

– На семнадцатом канале в местных новостях. Оказывается, у ее матери было коровье бешенство. Я сделал вид, что ничего об этом не знаю.

– Как это было? Коровье бешенство – его же не лечат. Ну то есть иногда лечат, если вовремя дать антиген, можно спасти сознание, но, ты же говорил, у нее инвалидность уже несколько лет?

– Вот поэтому ее и показали.

– Маринку?

– Да нет же! Мать ее.

Я рассмеялся. Кажется, пиво начинает действовать. Егор понял, что сказал двусмысленность, но даже не улыбнулся.

– Говорят, она три года лежала, считай, в коме, и вдруг резко ни с того ни с сего очухалась. С нее уже сняли все датчики, так она позвонила главврачу по мобиле.

– У психов же вроде мобилы отключают?

– Ну да, но у нее забыли отключить, она же была как овощ.

Врачи вначале подумали, что это шутка, так она позвонила Маринке, а Маринка – журналистам. Они приехали, говорят, у вас больная от коровьего бешенства исцелилась, а врачи говорят: да пошли вы все в сад, типа вы еще скажите, что у нас даун задачу NP-полноты решил. Короче, состоялся у них разговор глухого с педерастом, только через полчаса кто-то вошел в палату, а там Маринкина мать глазами моргает, мычит что-то, она, оказывается, нормально говорить не может,

у нее в гортани что-то атрофировалось. Подключили ей телесвязь на голосовой выход, она вначале всех матом обложила, а потом расплакалась, говорит, во какое счастье, что я жива, но муж умер, типа жалко его, хорошо еще, что дочка жива, спасибо там какому-то хмырю, вроде как начальнику той конторы, где он работал, позаботился о Маринке, из служебной квартиры не выселил, дал ей в универ поступить, и все такое. Егор отхлебнул пива и неожиданно добавил:

– Неужели она и вправду проститутка? Я обозлился.

– Да какая тебе, блин, разница?

– Извини. – Егор выставил вперед обе руки, как будто я собирался его бить. Бить Егора без толку, у него красный пояс по карате-до. – Извини, Игорь, не хотел тебя обидеть. Считай, что я ничего не спрашивал. Да на самом деле я и не знаю ничего. Я тогда просто прикалывался, хотелось тебя позлить. Извини. Просто мне показалось... они обе так странно вели себя, будто что-то недоговаривают... ладно, забудь. Извини.

Я успокоился. Некоторое время мы молча пили пиво. Потом Егор спросил:

– Это твоя работа?

– Что?

– Ну все это. Я же помню, как ты водку в вино превратил.

– Воду, – поправил я на автомате. Кажется, начинается занятный разговор. Впрочем, скорее всего, ничего интересного Егор не скажет. Походит вокруг да около, а потом попро-

сит научить его тому, что я умею. А я не знаю, как этому можно научить, я даже не знаю, можно ли этому научить, и вообще, не уверен, стоит ли Егора этому учить, даже если это возможно.

– Воду тоже, но вначале водку.

– Так я же воду из-под крана наливал.

– Ни хрена. Ты покрутился около крана и выключил воду.

А в бутылку ты ничего не наливал.

– Да? – Я почувствовал себя глупо. – А мне казалось, я позже нажрался.

– Почти сразу. Сидел сонный, я думал, сейчас мордой на стол упадешь, потом ты как-то резко протрезвел, стал нормально разговаривать, а после снова начал квасить и нажрался вообще в зюю.

– А чего же ты у меня водку не отнял, если я ее собирался водой из-под крана разбавить?

– Я и пытался отнимать. А ты говоришь, не трогай, я сейчас из водопроводной воды классного винища наделаю, как Иисус Христос. Все, думаю, у Игоря крыша поехала. Я и сам к тому времени был уже веселый, думаю, хрен с ним, пусть сто грамм на ерунду изведет, зато развлекуха какая. Хотел еще Пашку крикнуть, только не успел, ты уже водку в вино превратил, и я подумал, что лучше Пашку не звать.

– Он что, так ничего и не знает?

– Не-а. Я ему сказал, что у меня есть знакомый, который работает на подпольном винзаводе, и там гонят классную

трансгенку, стоит она копейки, а качество зашибись. Качество, кстати, и вправду во!

– М-да... – протянул я. А что тут еще скажешь? Не рассказывать же всю историю того, как меня чуть не убили гопники, как я устроил им Освенцим, и что я до сих пор не могу понять, как все это делаю, и что не могу понять, на что еще способен, и что мне вообще с этим делать. Можно было устроить исповедь минут на двадцать-тридцать, только я знаю, чем бы все это закончилось. Егор бы меня внимательно выслушал, задал бы пару вежливых вопросов, сказал, что все это круто, а потом спросил: «А меня ты научить можешь?»

– Игорь, а ты понимаешь, как это происходит? – спросил Егор.

– Нет. Абсолютно.

– А что чувствуешь при этом?

– По-разному. Иногда ничего, чаще всего ничего. Иногда будто какую-то вуаль сдергиваю или, наоборот, натягиваю на какой-нибудь предмет. А то кажется, что у меня в мозгах что-то вроде насоса.

– И давно это у тебя?

– Неделю.

– А как появилось?

– Внезапно. – И я замолчал. Егор тоже помолчал и спросил:

– Не хочешь рассказывать?

– Не хочу. История неприятная и гнусная. Некоторое вре-

мя Егор молча пил пиво. Я не выдержал:

– Да не знаю я, как это у меня появилось! Возвращался домой поздно вечером, никого не трогал, подвалили гоп-ники, начали меня избивать, я что-то сделал, и они разбежались. Потом сидел на лекции у Моисеича, стал рисовать на виртуальном дисплее всякую ерунду, а она произошла в реальности. А после оказалось, что я могу делать и другие вещи. С чего это и почему – не знаю, с пришельцами не общался, душу дьяволу не продавал, чудесных озарений не испытывал, просто оно появилось и все.

Я замолчал. Егор тоже молчал. Было видно, что ему очень хочется задать вопрос, но он колеблется: я на него наверняка не отвечу, да и обидеться могу, а с другой стороны, если не наберешься смелости спросить, потом будешь корить себя всю жизнь. Я ответил на вопрос приятеля, не дожидаясь, когда он будет задан.

– Не знаю.

– Что не знаешь?

– Могу ли тебя научить тому же самому. Ведь тебя это волнует?

Долгая пауза.

– Попробуешь?

– Не знаю. Боюсь.

– Так поставь на меня какие-нибудь блокировки, хотя бы как у Азимова.

– Не уверен, что это возможно. Я не только поэтому бо-

уюсь, просто страшно. Знаешь, я в детстве хотел быть суперменом, все об этом мечтают, а сейчас чувствую себя... ну как пьяный за рулем «феррари» – пока едешь по прямой, все круто, а как начнется... ну колдобины там или гололед...

– Ладно, не хочешь – не пробуй. А деньги ты можешь добывать?

– Не пробовал.

– Что так?

– Хрен его знает, даже не думал об этом. Тут с Маринкой такая каша заварилась, больше вообще ни о чем не думал.

– Любишь ее?

Вначале я хотел заругаться, но потом мысленно махнул рукой.

– Не знаю. Наверное, да.

– Хорошо тебе. Ты ее любишь, она тебя любит... – Егор вздохнул. – Я так понимаю, из борделя ты ее заберешь? Лучше бы я заругался.

– Да иди ты на хрен, уже достал, с чего ты взял, что она проститутка?

– Да хватит тебе кипятиться, это и так ясно. Иначе ты бы не реагировал так резко на всякие намеки. Не волнуйся, я никому не скажу, мне на это наплевать. Ну влюбился в проститутку, ну и что с того? Баба она хорошая. Или ты сам по этому поводу комплексуешь?

Я обдумал вопрос и решил, что да, похоже, комплекую. Но признаваться в этом не стал. Вместо этого спросил:

– Так тебе, значит, деньги нужны?

– А кому они не нужны? – ответил Егор не слишком уверенно.

Я напряг то, что живет в моей голове, и оно задумалось. Видимо, на моем лице отразилось что-то необычное, потому что Егор спросил:

– Ты что, деньги добываешь? Прямо сейчас? Я кивнул.

Егор испуганно заговорил:

– Да подожди ты, я же так, я от денег, конечно, не откажусь, но если тебе в напряг, я не обижусь, ты же мне не обязан ничем. Если тебе тяжело – так и хрен с ними, с этими деньгами.

– А что, у меня лицо какое-то странное было?

– Да уж, – Егор вздохнул. – Оно как бы... замерцало, что ли. Как будто через матовое стекло смотришь.

– Ни хрена себе! Ладно, буду иметь в виду. Егор поколебался и спросил:

– Так что, не получилось у тебя?

– Не знаю еще. Команду я отдал, оно ее обрабатывает.

– Оно – это, которое...

– То самое.

Я открыл очередную бутылку, налил себе пива и отхлебнул. Мы уже заметно опьянели, но время трезветь еще не пришло. Я отхлебнул еще.

Минут пять-семь мы сосредоточенно пялились в телевизор, а потом внутри моего мозга появилась длинная после-

довательность букв и цифр. Я спросил, что это такое, и получил ответ. Не все из этого ответа я понял, но того, что понял, было достаточно, чтобы сказать Егору:

– Принимай номер счета.

– Чего? – переспросил он, явно не поняв, в чем дело. Он, кажется, ожидал увидеть, как перед нами материализуется чемодан с наличными.

– Телесвязь включай в режиме защищенного соединения.

Егор включил телесвязь, мы установили защищенное соединение, и я передал данные во внешнюю память Егора. Он спросил:

– Это что?

– Номер счета. Счет рублевый, количество денег на нем не ограничено. Класть деньги на счет нельзя, получать информацию – тоже. Снимать можно без ограничений. Пин-кода нет, счет на предъявителя.

– И в каком банке такая услуга появилась?

– Не знаю. Честно говоря, и знать не хочу. Думаю, такого банка не существует и счета тоже не существует. Но деньги снимать можно.

– Как?

– Что как?

– Деньги как снимать?

– Обычным образом, как с любого нормального счета, только пин-код не вводишь.

– Это все оно тебе сказало?

– Какое оно?

– Ну это, которое... ну которое не ты.

– Оно. Только не сказало, а... да не важно это.

Егор надолго замолчал. Я подумал, что он мне не поверил, что он думает, будто я над ним издеваюсь. Прошло несколько минут, может, две, а может, и все пять. Мы молча сидели и тупо смотрели в телевизор, который переключился на финансовый канал, я и не заметил когда. Егор курил, я пил пиво, телевизор сообразил, что показывает что-то не то, и погнал эротику. Я удивился, и телевизор переключился на мультики, сериал про Тома и Джерри, говорят, его показывают уже почти сто лет, и люди все еще смотрят.

На кухне раздалось позвякивание, Егор поднялся и через минуту вернулся с охапкой «Гиннеса». Он выглядел удивленным, даже чуточку прибалдевшим. Сказал:

– Сработало, однако.

Мы выпили за то, чтобы чудеса происходили почаще (я уточнил: хорошие чудеса), потом мы выпили за то, чтобы плохие чудеса происходили пореже, потом Егор предложил выпить за наше с Маринкой семейное счастье, а я послал его куда подальше, и дальше мы пили без тостов. Егор заказал натуральные креветки по штуке за килограмм, я сварил их в микроволновке, они оказались ничуть не лучше трансгенных, но все равно, когда кушаешь натуральные продукты, чувствуешь себя крутым, я поделился этой мыслью с Егором, он сказал, что это все пальцы веером, и вообще, по его мне-

нию, «Гиннес» – отстой, а я с ним не согласился, потом мы стали заказывать разное дорогое пиво, по две бутылки каждого... Последнее, что я помню, это как Егор сказал мне:

– Игорь, если тебе нужен апостол, я к твоим услугам. Меня это рассмешило, Егор тоже посмеялся. Я подумал, не убрать ли опьянение, а потом подумал: «Какого хрена?» и ужрался окончательно.

Глава шестая, в которой почти ничего не происходит

Ночью мне приснились дети-мутанты. Пасмурное небо, холодное серое море, пронизывающий ветер, но мне почему-то совсем не холодно. Холодный серый пляж, не песчаный и не из гальки, а словно из обломков серого кирпича. Или гранита, с такого расстояния не разберешь. Дети, их немного, не больше двадцати, я не различаю подробностей, я просто знаю, что это мутанты. Они стоят неровной шеренгой и неподвижно смотрят в море. Они чего-то ждут. Я смотрю на них со стороны моря, но я не в воде, а над водой. Невысоко, всего в одном-двух метрах, впрочем, я не смотрю вниз и поэтому не могу точно оценить высоту. Вдали невысокие серые горы. Нигде ни травинки. Ничего не происходит.

* * *

Суббота. Утро. Я дома, в родной постели. Мне хреново. Я обращаюсь мысленным взором внутрь себя, на секунду меня передергивает, я словно вздрагиваю внутри, и вот уже не осталось никаких следов похмелья. Я бодр и весел.

Иду на кухню и вижу мрачного Егора. Я протягиваю к нему руки и говорю «рэкс-пэкс-пэкс». Егор вздрагивает, ко-

фейная чашка выпадает из его пальцев, он подпрыгивает, не удерживает равновесия и грузно шлепается на пол. Я хохочу. Приятель ругается, встает и некоторое время стоит неподвижно. Я беру тряпку и вытираю кофейную лужу. Егор говорит:

– Ты и это тоже можешь?

– Я все могу, – говорю я. Мне хорошо.

* * *

В субботу у Маринки выходной. Я позвонил ей, как только выпроводил Егора, порывавшегося растянуть попойку на второй день. Мы мило поговорили. Она сообщила, что у ее мамы все в порядке, насколько это возможно. Ее перевезли, только не в Кремлевку, а в центральный госпиталь ФСБ, что даже лучше. Маму постоянно осматривают врачи, которые не говорят ничего конкретного, но похоже, что у нее действительно все нормально, и через несколько месяцев она будет совершенно здорова. Но вряд ли ее выпишут раньше, чем через полгода, потому что медики хотят досконально разобраться, почему она выздоровела, и как это произошло, и что будет очень круто, даже научатся лечить коровье бешенство, и все это благодаря Маринкиной маме.

У самой Маринки тоже все хорошо. Кто-то из братьев посмотрел те новости, и теперь вся семья выражает ей радость по поводу чудесного исцеления. Карабас-Барабас даже ска-

зал Маринке, что она вовсе не обязана работать в борделе и если не хочет, то пусть так и скажет Борману, и тот ей ничего плохого не сделает, семья будет платить ей пенсию, а она сможет спокойно учиться, получать образование и вообще у нее будет замечательная жизнь.

Я поинтересовался, что Маринка сама думает по этому поводу, она сказала, что ничего еще не решила. С одной стороны, бордель ее достал, а, с другой, там совсем не плохо, и вообще ей эта работа в целом нравится, хотя иногда напрягает. Тут Маринка наконец сообразила, что мне вряд ли понравится, если она будет продолжать там трудиться, и сказала, что она бы уволилась, но надо же как-то зарабатывать деньги, а ничего другого делать она не умеет. Я заявил, что это не проблема и деньги у меня есть. Маринка поинтересовалась, откуда, я многозначительно промолчал, а она спросила, почему, раз я такой богатый, хожу целый год в одном и том же костюме. Я ответил, что это мой стиль жизни, и, если она мне не верит, пусть продиктует номер своего личного счета, и я переведу туда столько бабок, сколько ей надо. Потом вспомнил, что, согласно фильмам про мафию, когда девочку забирают из борделя, полагается платить выкуп. Я предложил Маринке заплатить за нее, а она сказала, что в данном случае, скорее всего, ничего платить не придется, а вообще выкуп за девочку, тем более такую красивую, как она, бывает очень большой и что вряд ли у меня хватит на это средств. Я спросил, какая сумма потребуется, и она ее

назвала. Цифра действительно впечатляющая, неделю назад я бы расстроился.

Я еще раз попросил ее продиктовать мне номер ее личного счета. Вообще-то, я его уже знал, войдя в сеть в режиме бога (бога? гм...), но она ни о чем не догадывается. Короче, я попросил ее продиктовать номер, а Маринка отказалась. Сказала, что не нуждается в моих деньгах, хотя она, конечно, рада, что они у меня появились, хотя странно, что по мне этого не видно, но это не важно. В общем, мы мило болтали о всякой ерунде, потом я спросил Маринку, можно ли мне к ней сегодня приехать, она сказала, что, конечно, можно, но только вечером, потому что днем она поедет к маме.

Большую часть дня я, убивая время, провел в виртуальности. Просмотрел новости, почитал анекдоты, полазил по хакерским конференциям (почему-то там собираются одни ламеры), даже посмотрел немного порнуху – бесплатные и абсолютно легальные анимационные фильмы, в которых больше рекламы. В какой-то момент я подумал, что неплохо бы и мне завести такой же счет, как у Егора, и тут же претворил свою мысль в жизнь – это оказалось совсем несложно, вся процедура заняла не больше минуты. Интересно, оно что, обучается?

Вечером я приехал к Маринке, мы сразу же завалились в постель, все прошло прекрасно, Маринка снова сказала мне, что я замечательный любовник, а я снова сказал, что я еще только учусь, потом мы пошли на кухню, и я заказал насто-

ящего французского вина из натурального винограда. Оплачивал вино я со своего нового счета. Мы выпивали, болтали о ерунде, а потом снова завалились в постель. Я заснул, но ненадолго, и, когда проснулся, мы сделали это еще раз. Маринка сказала, что ей никогда не было так хорошо. И еще она сказала, чтобы я даже не думал покинуть ее, она этого не выдержит. После этого я опять заснул, теперь уже до утра.

* * *

Мне приснился совершенно безумный сон. Ключи падают на землю. Самые разные ключи: маленькие, от английских замков, побольше, сейфовые, совсем большие, не знаю от чего, от сундуков, что ли? Земля серая, все серое, и ключи серые. Когда ключ касается земли, раздается звук.

Это не стук, не звон, это вообще ни на что не похоже, это просто звук. В нем нет ничего страшного, но есть что-то волнующее. Почему-то к этому звуку подходит слово «скрученный». Почему?

И почему мне кажется, что скоро что-то произойдет?

* * *

Наступило утро, и безумный сон, казавшийся таким важным, ушел в прошлое. Мы сделали это еще раз, и Маринка

поехала на работу. Она сказала, что попросит Бормана отпустить ее, а если он не согласится, тогда мы выясним, насколько я теперь богатенький Буратино. Она отправилась на работу, а я поехал домой. Сидел в автобусе, смотрел в окно и думал, что делать дальше. Я люблю Маринку, она любит меня. Я хочу быть с ней, она хочет быть со мной. У нее есть квартира, небольшая, но уютная. В будущем там будет жить ее мама, но ближайшие полгода нам это не грозит. Что нужно еще, чтобы жить долго и счастливо? Деньги? Я обратился к неисчерпаемому счету в несуществующем банке и снял с него полмиллиона. Этого хватит на полгода, а если не шиковать, то и на год. Немного поколебавшись, я предоставил Маринке доступ к моему личному счету. В худшем случае, она меня обворует, но мне на это наплевать – мой финансовый источник все восполнит.

Более серьезное препятствие на пути к нашей совместной жизни – мои родители. Формально я считаюсь совершеннолетним, но просто так взять и переехать к Маринке у меня не получится. Я представил себе, что мог бы сказать родителям. Извини, папа, извини, мама, я от вас уезжаю, потому что полюбил очень хорошую девушку. Кто она такая? Моя однокурсница. Ее родители? Папа умер, мама лежит в больнице, лечится от коровьего бешенства. На что она живет? Раньше была проституткой, но теперь уже не работает в борделе, я ее выкупил. На какие шиши? Я знаю волшебное слово, называю его вместо банковского счета, и ко мне капают

денежки. Нет, мама, я вовсе не свихнулся.

М-да, все совсем не просто. Но не так уж и плохо. Я примерно прикинул план действий. Для начала надо познакомиться с Маринкой моих родителей. Потом, если знакомство пройдет нормально, я пообщаюсь с Маринкиной мамой. Если и она не будет возражать против нашего с Маринкой тесного общения, можно будет поднять вопрос о совместном проживании, надо только залегендировать мои доходы. Но это не так уж и трудно, все знают, что я хочу стать хакером (правильнее, наверное, сказать хотел, теперь у меня появились другие интересы), если окажется, что мои жалкие потуги на этом поприще вознаграждены по заслугам, мои родители не удивятся. Главное – чтобы они не подумали, что я связался с криминалом. Но и это нетрудно – придумаю какую-нибудь программистскую контору, она как бы даст мне заказ на анализ какой-нибудь системы, я как бы проанализирую, а мне как бы заплатят деньги. Случайно окажется, что мне каждый раз платят ровно столько денег, сколько нужно. А что, в этом есть какое-то извращенное удовольствие – изображать бедного программиста, располагая на самом деле неограниченными средствами.

Я позвонил Маринке и предложил ей как-нибудь в ближайшие дни познакомиться с моими родителями. Она не отказалась, но сказала, что вначале ей надо разобраться с Борманом. Я не возражал.

Маринка позвонила через час. Борман со всем согласился. Она не обязана работать в борделе, ему бы этого хотелось, но он не смеет настаивать, это ее личное дело, и ни о каком выкупе речи не идет, она все-таки дочь члена семьи, пусть и покойного, но не бывшего, члены семьи бывшими не бывают, и что он себе не простит, если будет обращаться с ней, как с какой-нибудь подзаборной шлюхой. Что касается квартиры, пусть Маринка ей пользуется, если квартира вдруг понадобится семье, будем решать этот вопрос. А если не понадобится – не будем решать. Когда Маринка все это рассказывала, в ее голосе сквозило недоверие – у нее явно не укладывалось в голове, что Борман так легко согласился со всем, что она сказала. Я тоже удивился.

Я в очередной раз попросил Маринку продиктовать номер ее счета, и на этот раз она согласилась. Я перевел ей сто тысяч. Она сказала спасибо. Я перевел ей еще двести тысяч, и она сказала, чтобы я перестал расставлять пальцы веером, что мне это не идет и что она меня не за это полюбила. Я отметил, что она впервые сказала, что любит меня. Также я отметил, что она призналась мне в любви, а я ей еще нет, и исправил это упущение. Маринка сказала, что не надо лишних слов, что я уже подтвердил свою любовь делом, и притом не только в постели.

Я опять предложил Маринке познакомиться с моими родителями. Она рассмеялась и сказала, что мое поведение нетипично для молодого человека, а больше подходит девушке, желающей срочно выйти замуж. Я чуть-чуть обиделся и сказал, что для того, чтобы жить вместе, вовсе не обязательно жениться. Она спросила, не в ее ли квартире я собираюсь жить. Я сказал, что почему бы и нет, но если это по каким-то причинам ее не устраивает, мы можем снять и другую жилплощадь. Маринка сказала, что все в порядке, а если ее что-нибудь не устроит, она пожалуется Борману, и он мне оторвет одно место. В общем, она согласилась. Я объяснил, где живу, и она сказала, что скоро приедет.

* * *

Родители появились почти вовремя, я как раз заканчивал застилать постель. Щелчок захлопываемого дивана в точности совпал с щелчком открываемого замка входной двери. Маринка уже успела одеться и причесаться, а мне пришлось поспешно застегивать рубашку. Повязать галстук я так и не успел.

Маринка села на свежесоборанный диван и принялась задумчиво разглядывать свои ногти. Я вышел в прихожую и поздоровался с родителями.

– Что это ты такой красивый сегодня? – ехидно спросил папа.

Я смущенно оглядел себя и ответил, стараясь, чтобы дыхание казалось ровным:

– У нас гости.

– Кто?

– Одна девушка.

Мама загадочно ухмыльнулась, папа последовал ее примеру. Он сказал:

– Ну, показывай девушку, познакомимся. Маринка появилась в дверях. Я сказал:

– Познакомьтесь, это Денис Григорьевич, это Мария Федоровна, это Марина.

Далее последовало многоголосое «очень приятно», мама извинилась, что у нас не убрано, Маринка заверила маму, что это ерунда, папа начал срочно заказывать праздничную еду, и, сколько я ни пытался убедить его, что никакого торжества нет, он только загадочно усмехался, а в его глазах явно читалось: сын совсем большой вырос, вот уже бабу завел, хорошо, что мы не пришли на пять минут раньше. Я чувствовал себя немного по-идиотски и смущался, но, несмотря на это, мне было хорошо.

Мы сели за стол, папа откупорил шампанское, и мы начали отмечать праздник: сын наконец-то потерял невинность и, кажется, скоро женится. Вслух этого, упаси боже, никто не произносил, но иначе истолковать оценивающие взгляды, устремленные на Маринку, было просто невозможно.

Маринку буквально забросали вопросами. Где она учится

в одной группе с Игорем, где она работает – нигде, кто ее родители – папа умер, мама в больнице. Что с ней случилось – коровье бешенство. Ах-ах, как ужасно! Но ее спасли? Да, она выздоравливает. На что же вы, бедные, живете? Папина жизнь была застрахована, на страховку и живем. Я оценил эту маленькую ложь – просто, изящно и совершенно невозможно запутаться в объяснениях.

Первые полчаса Маринка смущалась, но затем оживилась, разговор перешел на совершенно отвлеченные темы, и оказалось, что Маринка замечательно поддерживает разговор и вообще чрезвычайно обаятельная девушка. Я почему-то вспомнил отца Егора, он очень обаятельный человек, я однажды сказал об этом Егору, а он ответил, что это профессиональная черта агентов ФСБ – необаятельный человек хорошо делать эту работу просто не сможет.

Сейчас я подумал, что у проституток, видимо, тоже есть какое-то профессиональное обаяние.

Мои родители непрерывно доставали Маринку разнообразными вопросами, раньше папа рассказывал мне про психологическое тестирование космонавтов, и сейчас он явно пытался применить ту же технику, чтобы выяснить уровень эрудиции и построить приблизительную эмоциональную карту своей потенциальной невестки. Похоже, результаты тестирования его вполне устраивали, и еще было видно, как изящно Маринка обходит подводные камни, то и дело всплывающие в невинном, казалось бы, разговоре. Похоже,

что с интеллектом у нее все в полном порядке, я даже подумал, не буду ли казаться на ее фоне идиотом?

Я как-то незаметно выпал из разговора, вначале еще вставлял отдельные реплики, а потом про меня забыли, я сидел и тихо скучал. Но мне все равно было хорошо.

* * *

Наступил вечер. Маринка попрощалась с моими родителями, я вышел с ней, она спросила, считаю ли я, что мероприятие удалось, я ответил, что все прошло замечательно. Мы долго целовались на остановке, подошел автобус, я хотел ее проводить, я еще не забыл, что иногда случается, когда домой возвращаешься слишком поздно. Маринка сказала, чтобы я не маялся дурью, что она нормально доберется до дома и что слухи про ночных хулиганов сильно преувеличены.

Я вернулся домой. Родители сидели на кухне, пили вино и что-то обсуждали вполголоса. Когда я вошел, разговор сразу затих, было ясно, что обсуждали меня. Я сел за стол, и мы стали пить вино втроем.

Вначале меня расспрашивали, как мы с Маринкой познакомились, хорошо ли она готовит и прочую подобную ерунду. Но я не поддерживал разговор на эти темы, и тогда мне в очередной раз рассказали, как папа познакомился с мамой, как он ее завоевывал, как папа отправился в полет; а мама

его ждала, как они поженились и родился я, короче, все то, что родители обычно рассказывают подросткам. Не думаю, что все было так гладко, как они говорили, но официальная история на то и рассчитана, чтобы описывать события так, как они должны были происходить, а если на самом деле все было чуть-чуть по-другому – это несущественно. Главное – чтобы было красиво, как в женских романах, но не так пошло.

В целом мой выбор был одобрен, мне сказали, что Маринка – очень хорошая девушка, и даже странно, что она обратила внимание на такого раздолбая, как я. Мама выразила надежду, что я теперь буду меньше пьянствовать, папа при этом загадочно усмехнулся, но к пожеланию присоединился. Короче, мероприятие в самом деле прошло замечательно.

Глава седьмая, в которой у меня возникают проблемы с законом

Оказывается, от хорошего вина совсем не бывает похмелья, а когда после вчерашней попойки нет похмелья, день кажется совсем не тяжелым. Даже понедельник. Я думал об этом, неспешно двигаясь к автобусной остановке. Но уехать на автобусе мне не пришлось.

Я услышал голос за моим плечом.

– Игорь Денисович? – Вопрос звучал скорее как утверждение. Я обернулся и увидел незнакомого мужчину среднего роста, лет тридцати на вид. Вначале мне показалось, что его лицо не слишком обременено интеллектом, но, взглядевшись в глаза незнакомца более внимательно, я понял, что это впечатление обманчиво.

– Да.

Незнакомец залез во внутренний карман плаща и достал удостоверение. Капитан Царьков, Борис Николаевич, финансовая разведка. Кажется, у меня серьезные проблемы.

– Вы едете на занятия? – поинтересовался Царьков.

– Да, а что?

– Могу вас подвезти, – он указал на неказистую 201-ю «Ладу», припаркованную рядом с остановкой.

– Не думаю, что это будет быстрее.

– Может, и не быстрее, зато комфортнее. Пойдемте, и не

бойтесь, никто не сделает вам ничего плохого.

Ничего не оставалось, кроме как подчиниться этой настойчивой просьбе. Что ж, подумал я, кажется, мое предчувствие сбывается – что-то начинает происходить. Интересно, как они засекли мой источник денег?

Я устроился на пассажирском сиденье, Царьков сел за руль, вывел машину на дорогу, включил автопилот и повернулся ко мне.

– Игорь Денисович, я бы хотел задать вам несколько вопросов. Все, что мы будем обсуждать, останется между нами.

– Вы меня в чем-то обвиняете?

– Бог с вами, Игорь Денисович, никто вас ни в чем не обвиняет. – Он источал само дружелюбие. – Просто возникла одна странная ситуация, и мне кажется, что вы можете ее прояснить. Не волнуйтесь, это не официальный допрос, считайте, что мы просто дружески беседуем без протокола. Мне просто нужно получить от вас кое-какую информацию.

– Спрашивайте.

– Вы давно знакомы с господином Емельяновым? Емельянов – это Егор. Может, мой источник денег все-таки ни при чем?

– Год с небольшим. А что он натворил?

– С чего вы взяли? Думаете, он способен натворить что-то такое, что заинтересовало бы нас?

– Нет. Егор нигде не работает, деньги ему дает отец, он, кстати, полковник ФСБ... но это не те суммы, которые мог-

ли бы вас заинтересовать. Если только он украл кучу денег, но... нет, не верю. Морду набить кому-нибудь по пьяни – это Егор может, а украсть, да столько, чтобы ваша контора встала на уши – нет, это исключено.

– А почему вы решили, что наша, гм... контора стоит на ушах?

– Не знаю, просто показалось. Я думал, вы обычно вызываете свидетелей повестками, и все разговоры ведутся под протокол, как положено по закону.

– Мы разговариваем со свидетелями так, как нам удобнее. Наша с вами беседа, кстати, полностью в рамках закона.

А на ушах мы не стоим, хотя дело, не скрою, серьезное. И странное. Как думаете, Егор Леонидович хорошо разбирается в банковских системах?

– Подозреваю, он вообще в них не петрит.

– А в сетевых технологиях?

– Егор хороший программист, один из лучших у нас, но мы же учимся на втором курсе, а не на пятом. А сети, по моему, начинаются в конце третьего.

– В конце четвертого. Емельянов не занимался самостоятельным изучением компьютерных сетей?

– Нет. Он вообще этим не интересовался.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Мы же друзья, часто общаемся, если бы он чем-нибудь серьезно увлекся, я бы знал.

– А если бы он захотел скрыть от вас свое увлечение?

– С чего это? Скорее, Егор взял бы меня в долю. Ну, попытался бы взять, – поправился я на всякий случай.

– Понятно... Может, у него есть друзья, которые более квалифицированы в этом вопросе?

– Не думаю. Среди наших общих знакомых таких точно нет.

– Вирусные технологии он знает?

– По-моему, нет. Наверняка не знает, я бы почувствовал, если бы он знал.

– Почему вы так думаете?

– Слышал, что человек, сам написавший вирус, начинает по-другому программировать. Я точно не знаю, в чем это проявляется, но говорят, что это очень заметно.

– Это Малышев так говорит?

Ни хрена себе! Откуда он узнал, что я лично знаком с Малышевым?

– Не волнуйтесь, – Царьков начал меня успокаивать, – никто ни в чем не обвиняет господина Малышева. То, что он пишет вирусы, а не только антивирусы, – это секрет Полишинеля. Но Малышев свои вирусы не распространяет, а потому претензий к нему нет. А если бы и были, их предъявляли б не мы. Нас интересует только финансовая сфера, компьютерные правонарушения – это работа ФСБ.

– Тогда почему вы меня спрашиваете про компьютерные знания моего друга?

– Игорь Денисович, – капитан соорил укоризненную

гримасу, – вы меня извините, но вопросы здесь задаю я. Вы должны понимать, что улики, приводящие следствие к цели, могут не иметь никакого отношения к сути дела. На первый взгляд. И, полагаю, вам не надо объяснять, что такое тайна следствия.

– Значит, против Егора ведется следствие?

– Вот вы опять задаете вопросы. Так уж и быть, на этот ответу. Никакого следствия пока не ведется, просто обнаружилась одна странная вещь, может быть, ошибка в программе, а возможно, хищение в крупных размерах. Надо разобраться, а вы не хотите помочь.

– Так спрашивайте, на что смогу – ответу.

– Замечательно. Опишите, пожалуйста, максимально подробно, что вы делали в пятницу вечером.

Я нецензурно выругался про себя. Они каким-то образом проследили манипуляции Егора с несуществующим банковским счетом. Интересно, что сумели выяснить и как интерпретировали это. Е-мое, никогда не думал, что финансовая разведка отслеживает так много! Тогда почему они не обратили внимания на кредитную историю Маринки? Там же ясно видно, что она живет на черные деньги!

Я начал говорить, тщательно подбирая слова:

– В пятницу вечером... Я сидел, пил пиво, мне позвонил Егор...

– Точное время помните?

– Нет, но было еще не поздно, часов восемь, наверное.

Значит, мне позвонил Егор, мы поговорили...

– О чем?

– Да ни о чем. Ему нечего было делать, я пригласил его к себе, у меня как раз родители укатили на дачу. Он приехал, мы сидели, смотрели телевизор, разговаривали о всякой ерунде...

– О какой именно?

– Не помню. Да действительно о ерунде, ничего серьезно-го мы не обсуждали. Посидели, попили, потом пошли спать.

– Вместе?

– Нет, мы не гомосексуалисты. По отдельности.

– Много выпили за вечер?

– Много. Бутылок по пять минимум.

– Вы заказали на двоих восемнадцать бутылок. И все это выпили?

А говорят, что у нас правовое демократическое государство, бережно охраняющее права и свободы... Тьфу!

– Восемнадцать? Вряд ли. Хотя кто его знает, может, и выпили.

– Кто заказывал выпивку?

– Егор. У него были деньги, а у меня не было. Я же не работаю, а на стипендию, сами понимаете, много пива не купишь.

– Емельянов тоже нигде не работает.

– Ему отец дает деньги.

– Вы не знаете, с какого счета Емельянов оплачивал зака-

зы?

– Со своего личного, откуда же еще?

– Вы уверены?

– Нет, конечно. Откуда я могу знать? Он не говорил, а я не спрашивал.

– Вам не показалось, что у Емельянова неожиданно появилось необычно много денег?

– Трудно сказать. Егор такой человек, что может купить ведро «Гиннеса», а потом месяц стрелять червонцы на сигареты. Деньги у него были, но насколько много...

– Он не говорил, что заработал большую сумму или что-то в этом роде?

– Нет. Да ой же не работает нигде, я вам уже говорил. Царьков помолчал некоторое время:

– Ну что ж, все понятно. Извините, что побеспокоил вас. Если вдруг вспомните что-то, относящееся к делу, мои координаты. – Царьков продиктовал свои координаты. – И еще одно. Никому не говорите о нашем разговоре, хорошо?

– Хорошо. – Я пожал плечами.

– Особенно Емельянову.

Машина затормозила перед шлагбаумом, ограничивающим въезд на территорию университета. Я вежливо поблагодарил капитана за то, что подвез, он сказал, что это не стоит благодарности, и я вышел.

Принято считать, что московский общественный транспорт не сильно уступает частному в скорости перемещения. Но, выходит, все-таки уступает. Когда я вошел в лекционный зал, до начала пары оставалось еще полчаса. Я занял свое место в предпоследнем ряду и задумался. Я был уверен, что мои не слишком законные манипуляции с банковскими счетами пройдут незамеченными, это было одно из требований, которые я сформулировал, отдавая приказ. Но финансовая разведка все-таки что-то засекла. Я бы предпочел поговорить с Егором, но его еще нет, а разговаривать с ним по телесвязи не стоит – переговоры наверняка прослушиваются. Что ж, ничего не остается, кроме как стать на время богом и лезть в сеть.

Я глубоко вздохнул и сосредоточился. Сформулировал запрос и стал ждать результатов. Ничего не происходило. Я не замечал ничего необычного ни в своем самочувствии, ни в функционировании моего компьютера, ни в окружающем мире. Минуты медленно тянулись, студенты по одному и небольшими группками заполняли зал, вот появилась Маринка, она помахала мне рукой, и я ответил тем же, вот рядом со мной сел Пашка, вот он начал рассказывать длинный и несмешной анекдот, а оно все еще не проявляло себя. Вот появился Егор, выглядит радостным и довольным, мы

поздоровались, он крепко пожал мою руку и тихо прошептал «спасибо». Выходит, он еще ничего не знает. Вот Иван Моисеевич вошел в зал, и началась лекция. Я испугался. Мне показалось, что оно ушло, что я снова обычный человек и совершенно непонятно, как буду разбираться со всеми проблемами, которые на меня навалились. Я попытался отбросить все мысли и сосредоточиться на лекции, но ничего не получалось. Меня начало трясти. Не снаружи, снаружи это не проявлялось, но внутри меня било и колбасило. Я приказал компьютеру записывать лекцию во внешнюю память и сосредоточился на том, чтобы сохранить задумчиво-непроницаемое выражение лица. И в тот момент, когда я был готов запаниковать по-настоящему, оно ответило.

Все оказалось очень просто, неразрешимые загадки чаще всего решаются совершенно элементарно. Просто Егору захотелось выяснить, что представляет собой подаренный ему магический денежный источник. Он снял с неисчерпаемого счета сто тысяч. Потом попросил выдать ему справку о счете, с которого он только что снял деньги. Получил ответ, что такого счета не существует. Снял еще сто тысяч и снова запросил информацию. Получил тот же ответ, на этот раз удовлетворился и больше к этому счету не обращался.

Эти действия засек демон-хранитель. Эта штука правильно называется IDS – intrusion detection system, по-русски – система обнаружения вторжений. Если не вдаваться в технические детали, это – специальная программа, которая сле-

дит, чтобы в сети не происходило то, что не должно происходить. Она просматривает сетевой трафик, фиксирует все необычное. Принимаемые ею меры могут быть самыми разными, начиная от регистрации замеченных необычных событий в специальном журнале и кончая принудительным отключением пользователя от сети. В данном случае демон-хранитель выдал предупреждение на консоль дежурного администратора. Тот вначале подумал, что это глюк демона, но на всякий случай проверил логи на соседнем маршрутизаторе. Оказалось, что невозможная комбинация запросов действительно прошла по сети и в самом деле нормально отработала. Администратор заметил, что все транзакции прошли без пин-кода. Он удивился. Попробовал повторить подозрительные запросы от своего имени. Он был уверен, что у него ничего не выйдет, но все получилось, и администратор неожиданно стал богаче на двести тысяч рублей. Попытался проследить путь прохождения запроса, но, как выяснилось, теперь уже четвертый по счету маршрутизатор не существует в природе. Точнее говоря, существует – он исправно передает требования снять деньги со счета с невозможным номером, – но не откликается на любые другие запросы, даже на ping. Администратор обратился к офицеру безопасности, и уже через час этим делом занялся старший оперуполномоченный финансовой разведки Борис Николаевич Царьков.

Капитан успел выяснить немного – получить ордер и проверить кредитную историю Егора. Он заметил, что в пят-

ницу вечером мой приятель положил на счет сто тысяч, а затем еще пятьсот. До этого на счет Егора никогда не поступала единовременно такая большая сумма. Царьков запросил географический адрес поступления запроса, и оказалось, что это – моя квартира. Так в поле зрения финансовой разведки попал я.

Больше ничего относящегося к этому делу в сети не было. Вполне естественно – Царьков еще не успел составить отчет о нашем разговоре. Да и не факт, что он вообще будет его писать, ведь наш разговор не дал никакого результата.

Что ж, обстановка ясна, что будем делать? Я поразмышлял пару минут, а затем отдал сети еще одно распоряжение. Мне показалось, что оно было выполнено мгновенно. Видимо, по несколько минут обрабатываются только те приказы, которые можно условно назвать заклятиями познания, все остальные мои команды сеть выполняет незамедлительно. Короче, я отдал приказ, и вся информация, относящаяся к финансовым экспериментам Егора, в мгновение окна исчезла с носителей информации, а ее место занял вирус «Ниндзя». Мне показалось, что я даже почувствовал, как новорожденные тела вируса заползают в потаенные норы адресных пространств, недоуменно озираются, оценивая ситуацию, наполняются радостным предвкушением, и вот уже по закрытой сети ФР катится волна вирусной атаки. Интересно, что вы будете делать теперь, рыцари плаща, кинжала и калькулятора?

Все плохое рано или поздно кончается, и лекция по ма-тану не явилась исключением. Когда Иван Моисеевич объ-явил, что раз вопросов нет, то все свободны, я наклонился к Егору и тихо сказал ему:

– Надо поговорить.

Студенты бурным галдящим потоком ломанулись к две-рям, возникла обычная толкотня, и никто не заметил, что мы с Егором задержались на галерке. Я сказал:

– Ты зря запрашивал данные об этом счете.

– О каком счете?

– Том, который я тебе дал.

– Почему?

– Тебя засек демон-хранитель.

– Чего? – На лице Егора отразилась целая гамма чувств.

Кажется, он был готов поверить, что в мире существуют не только добрые волшебники, сотворяющие деньги для своих друзей, но и противостоящие им злые демоны.

– IDS, – пояснил я. – Система обнаружения вторжений. Если в сети проходит запрос на получение информации о несуществующем счете, а потом сразу же запрос на снятие с него денег, то автоматически подается сигнал тревоги. А если еще второй запрос прошел удачно – сисадмины вообще встают на уши.

– Почему ты раньше не сказал? – Егор казался обиженным.

– Я не знал. Утром со мной говорил опер из финансовой разведки. Они думают, ты хакнул какой-то банк.

– И что ты им сказал?

– Что ничего не знаю. Да, сидели, квасили, ты заказал хорошего пива. Откуда ты деньги снимал – хрен тебя знает, наверное, с личного счета, откуда же еще? Знакомых хакеров у тебя нет, сам ты в этих делах полный чайник. Ты этим счетом больше не пользуйся, я потом тебе другой дам, когда все утихнет.

– Ни хрена оно не утихнет! – Егор выглядел испуганным и разозленным. – Думаешь, эфэровцы так легко от меня отстанут? Да легче от наложки отвязаться, чем от них!

– Не волнуйся. Ничего доказать они не смогут.

– Доказать, может, и не смогут, а в кутузке сидеть – удовольствие еще то! Лучше бы ты мне вообще ничего не давал, чародей хренов!

– Да успокойся ты наконец! – Я старался говорить медленно и уверенно. – Ничего они тебе не сделают. Я уничтожил информацию о твоих действиях с этим счетом. Всю. На каждом компьютере. Ты абсолютно чист перед законом. А если тебя все-таки начнут допрашивать – иди в отказ. Без логов они никому ничего не докажут, пожалуешься в прокуратуру, и все – ты свободен, а операм по выговору. Егор совсем озверел.

– Ты что, совсем сдурел? Понимаешь хоть, что наделал? Да они теперь меня так поймут, что я всю жизнь буду враскорячку ходить! Ты что, совсем дурак? Они подумают, что какие-то хреновы хакеры проникли в их внутреннюю сеть и всю шарят по базам данных. Да они костями лягут, но это дело раскрутят. Кретин!

– Они подумают, что это вирус, – возразил я, дождавшись момента, когда красноречие Егора временно иссякло. – Вирус «Ниндзя», ранее неизвестный штамм. Обстоятельства появления свидетельствуют о разгильдяйстве системного администратора. Он к тому же давно не делал бэкап. Думаешь, они признаются начальству, что лопухнулись? Или сделают вид, что ничего не было?

Егор начал успокаиваться.

– А что, может, это и пройдет. Но все равно, ты мог бы раньше сказать, что по этому счету нельзя запрашивать информацию.

– Да откуда же я знал?

– Думать надо было. Ладно, извини, что накричал, – последние слова Егор пробурчал еле слышно.

Больше мы с ним в этот день не разговаривали. Было видно, что Егор обиделся. Я его не винил – наверное, тяжело получить неисчислимое богатство, а потом почти сразу же узнать, что им нельзя пользоваться и что ты вместо счастья от обладания солидными деньгами уже огреб нехилый геморрой. Да и мне стоило бы поподробнее выяснить прави-

ла обращения с этими счетами. Хорошо, что я сам не стал узнавать, откуда именно ко мне капают деньги. Хотя, может быть, так было бы лучше.

* * *

Занятия закончились. Мы с Маринкой стояли около метро. Она спросила:

– Поедем ко мне?

Мне потребовалось собрать в кулак всю силу воли.

– Нет. Давай лучше завтра. Родителей надо дрессировать осторожно.

– Ну смотри, как знаешь, – сказала Маринка и снова припала к моим губам. Мы целовались целую вечность, это было блаженство, но любое блаженство рано или поздно заканчивается. Она спустилась в метро, а я пошел к остановке троллейбуса.

Я обратился к компьютеру и узнал, что ждать придется двенадцать минут. Подумал, не купить ли пива, но после минутных размышлений решил воздержаться – нельзя же пьянствовать каждый день.

И тут я увидел Царькова. Он целеустремленно двигался ко мне в сопровождении двух широкоплечих мужчин с одинаковыми неподвижными лицами, они выглядели в точности, как агенты ЦРУ в американских фильмах. Смешно, Егор говорил, что хороший агент спецслужбы должен быть

незаметен, а если он бросается в глаза, то он агент плохой. Так что, получается, фээсбэшники говорят правду, и в ФР работают в основном придурки? Что они вообще от меня хотят, неужели еще не осознали, что дело о хищении несуществующих денег из несуществующего банка уже рассыпалось, притом окончательно?

Смешная тройца приблизилась, и мне стало не по себе. Царьков зло произнес, глядя мне в глаза:

– Гончаров, вы арестованы. В машину. – Он показал на припаркованный рядом «Кинг-Конг» – российский джип, задуманный как альтернатива «Ленд Крузеру», но настолько неудачный, что на этих машинах ездили лишь совсем безнадёжные ура-патриоты да представители правоохранительных органов.

Я почувствовал рефлекторное желание подчиниться представителю власти, но подавил его и спросил, стараясь говорить уверенно и чуточку развязно:

– А ордер у вас есть?

Ордер был. Правда, не бумажный, а электронный, но это допускается в особых случаях, когда времени на обычные формальности нет. Царьков передал мне ордер через защищенное соединение. Вроде бы все в порядке – цифровая подпись прокурора на месте, а что еще должно быть в правильно оформленном ордере на арест, я не знаю. Я кивнул и пошел к машине. Один амбал немедленно пристроился сзади, другой вырвался вперед.

Передо мной предупредительно распахнули дверь, и я сел в середину заднего сиденья. Амбалы, как и полагается, устроились по бокам, Царьков разместился рядом с водителем. Джип тронулся и неспешно покатыл по Ломоносовскому проспекту.

Царьков обернулся ко мне и произнес:

– На формальности времени нет. Протокол оформим задним числом. Если не хочешь больших неприятностей, отвечай быстро, точно и по делу.

Его лицо прямо-таки излучало важность. Наверное, это дело и впрямь кажется ему очень важным. Мне захотелось сбить с мента спесь (на самом деле он не мент, а эфэровец, но в данном случае это все равно), и я нагло перебил его:

– Я так понимаю, Уголовно-процессуальный кодекс отменили?

– Не умничай! Доумничался уже. Лучше внимательно слушай и отвечай быстро и четко. Вопрос первый: кто?

– Что «кто»?

– Кто организатор?

– Организатор чего?

– Будто сам не знаешь. Кто организовал весь этот беспредел?

Я начал злиться.

– Во-первых, я не умничаю. Во-вторых, в нашей стране принята вежливая форма обращения на «вы». И, в-третьих, я понятия не имею, о чем вы говорите, и какого организатора

вы имеете в виду.

– Закончил? – Похоже, мое выступление не произвело никакого впечатления.

– Закончили.

– Вас что, здесь много? – Царьков расхохотался своей шутке. – Мальчик, хватит играть со мной в игры! Мы оба прекрасно знаем, во что ты вляпался. Будет лучше, если все честно расскажешь.

– Ничего не скажу без адвоката, – объявил я и попытался связаться с прокуратурой. Хотел передать им жалобу на незаконные действия следователя, говорят, это помогает, но мне это не удалось. Я потребовал:

– Выключите глушилку.

– Парень, ты не ответил на мой вопрос. А когда на мои вопросы не отвечают, я злюсь.

– А я злюсь, когда со мной невежливо разговаривают. Особенно представители власти. Вначале я поговорю с адвокатом, а потом потребую отвода следователя. А уже потом отвечу на все вопросы. Другому следователю.

– Я не следователь, а опер. Следователи подключатся потом.

– Вот когда подключатся, тогда и будем разговаривать. Царьков глубоко вздохнул:

– В последний раз спрашиваю, говорить будешь?

– В последний раз отвечаю. Буду говорить вначале с адвокатом, потом со следователем.

Я думал, Царьков совсем взбесится, но он удовлетворенно улыбнулся:

– Замечательно. Юноша, вы (он подчеркнул голосом это слово) – дурак. Теперь ты нам все расскажешь, но чистосердечным признанием это уже не будет. И ни один адвокат тебе не поможет. Даже Емельянов-старший ничего не сделает, будь он хоть трехзвездный генерал.

Он ждал, что я спрошу, почему он так думает, но я решил не давать повода к дальнейшему глумлению и устоял в центре лба опера немигающим взглядом. Егор говорил, что такой взгляд выводит из равновесия любого нормально-го человека менее чем за минуту.

Царьков пожал плечами и отвернулся. Дальше мы ехали молча.

Глава восьмая, в которой я много путешествую

Ехали мы недолго, менее получаса. Я ожидал, что меня повезут в одну из московских тюрем, которые почему-то все находятся в центре города, но, выехав на проспект Путина, джип повернул не налево, а направо. Мы проехали пятое кольцо и, почти у самого МКАДа, свернули, но до Теплового Стана не доехали. Оказалось, что нашей целью было высокое здание из желтого кирпича, одиноко стоящее посреди леса и окруженное бетонным забором с колючей проволокой поверху. Никогда не думал, что в этом здании обитает именно ФР.

Железные ворота бесшумно распахнулись, и мы въехали за забор. Оказывается, внутренняя территория гораздо больше, чем кажется с улицы. Джип немного попетлял по узким асфальтированным дорожкам и остановился у неприметного двухэтажного здания, стоящего почти у самого забора. Мне велели выйти из машины, и я вышел.

Мы спустились в подвал и долго шли по гулким бетонным коридорам, Царьков впереди, я следом, амбалы – сзади. Время от времени мы проходили мимо дверей, все они казались очень массивными (бронированные?) и все были без табличек и номеров. Интересно, как обитатели этого лабиринта находят дорогу в нужное место?

Наконец Царьков остановился около очередной двери, ничем не отличающейся от других. Он не пытался ее открыть, не дергал за ручку, которой не было, не нажимал никаких кнопок, которых тоже не было, он вообще ничего не делал. Дверь распахнулась сама.

За дверью обнаружилось хорошо освещенное просторное помещение. В первую очередь мое внимание привлекло кресло, похожее на электрический стул. Оно стояло в центре комнаты, напротив стола, на котором был (я не поверил своим глазам) стационарный компьютер.

В наше время редко встретишь комп, превосходящий размерами спичечный коробок. Машина размером с большой чемодан, стоящая на столе, должна быть невероятно мощной и стоить около ста миллионов. Я успел удивиться, откуда в этой подвальной тюрьме взялась такая дорогая вещь и зачем она вообще здесь нужна. Но в следующую секунду все понял.

Это нейронный сканер, более известный в обиходе как ментоскоп. Жутко сложное и дорогое устройство, оно является непременным атрибутом шпионских сериалов, но в реальной жизни мало кто из преступников может похвастаться тем, что его допрашивали с помощью такой штуковины. Этого просто не может быть! Я надежно скрыл все следы, у ФР нет оснований для применения ментоскопа! Любой адвокат просто выпотрошит кишки из царьковского начальства за «необоснованное нарушение прав личности при допросе». Да и банальная сетевая кража – не то преступление,

для раскрытия которого стоит использовать этот фоб, ведь из пушек по воробьям не стреляют. Вот только... неужели они подумали, что я хакнул их сеть? Не может быть, все было обставлено как банальное разгильдяйство сисадмина, они просто не могли предположить ничего другого!

Царьков подошел к столу. Щуплый молодой человек в расстегнутом пиджаке без галстука (прямо хакер из сериала), сидевший в роскошном вращающемся кресле напротив компьютера, встал и пожал оперу руку.

– Ордер готов? – спросил Царьков.

– Готов, – ответил молодой человек, покопался в грудe бумажек на столе, вытащил нужную и протянул Царькову. Через секунду я рассматривал ордер на проведение нейронного сканирования. На основании статьи такой-то УПК Российской Федерации разрешается применение нейронного сканера при допросе Игоря Денисовича Гончарова, ИНН такой-то, подозреваемого в совершении преступления первой степени социальной опасности. Первой степени? Я прочитал эту строчку еще раз. Действительно, так и написано: первой степени. Что же, интересно, мне инкриминируют? Даже убийство – это вторая степень социальной опасности. Я попытался вспомнить школьный курс основ государства и права. Первая степень... насильственное свержение конституционного строя и подготовка к оному... терроризм во всех формах... разжигание межнациональной и межрелигиозной розни, а также сексуальной нетерпимости... пропаганда са-

танизма и ваххабизма... измена Родине... больше ничего не могу вспомнить. Я спросил:

– В чем конкретно меня обвиняют?

– Обвинение будет предъявлено в трехдневный срок. Или в тридцатидневный, смотря что покажет сканер. Все прочитал? Садись в кресло.

Я подчинился. Молодой человек, похожий на хакера, сноровисто защелкнул защелки, крепящие к креслу мои руки и ноги. На голову мне надвинули массивное сооружение, похожее на несоразмерно большой и тяжелый шлем, и я перестал видеть и слышать. Я впал в ступор, думать стало трудно, мысли вяло ползали по мозгу, как умирающие тараканы в рекламе «Верминатора».

Что делать? Сейчас, если я ничего не предприму, они узнают все, что я думал и чувствовал последнюю неделю. Они поймут, что я умею не только делать деньги из ничего, но и убивать людей. А еще им станет известно, что вирус «Ниндзя» в их закрытой сети завелся вовсе не из-за ошибки администратора. К какому выводу придет Царьков? Я вспомнил фильм про девочку, которая умела воспламенять взглядом, и решил, что он никакого вывода не сделает. Потому что я уже сформулировал и отдал приказ. Мне показалось, что вокруг моей головы появился темный нимб, который стал быстро расширяться во все стороны, причем чем дальше уходили его края, тем бледнее он становился. Когда нимб достиг в диаметре нескольких метров, он бесследно

растаял.

Я расслабился и стал ждать, что будет дальше. Ждать пришло недолго.

Шлем отъехал назад, и я снова стал видеть и слышать. Лампа дневного света под потолком, раньше казавшаяся не особенно яркой, теперь ослепила меня. Я начал моргать и жмуриться. От яркого света на глазах выступили слезы, хотелось утереть их рукой, но руки были привязаны. Я прислушался к разговору.

– Ни хрена себе! – Голос одного из амбалов.

– Ты уверен? – Это Царьков спрашивает молодого человека, похожего на хакера.

– В чем тут можно быть уверенным? – Это оправдывается вышеупомянутый молодой человек. – Управление «Ф» так и не дало нам полный отчет о том случае. Я не знаю, что именно у них случилось, может, там было совсем другое. Все, что я знаю, – это то, что, когда под ментоскопом допрашивали Эль Янтара, томограф вышел из строя при первоначальной настройке. То есть сразу же после включения. Здесь та же самая хрень.

– Сколько времени нужно, чтобы починить этот гроб?

– Если не придется ничего менять по-крупному, часов пять-семь.

– А если придется?

– Несколько дней, может быть, неделю. А то и месяц, если на складе не окажется нужных деталей.

Царьков нецензурно выругался. Он подошел ко мне, оперся руками на подлокотники кресла и вплотную приблизил свое лицо к моему. Его лицо было перекошено от злости и ненависти. Да, я не ошибся, от ненависти. Он сказал:

– Что, парень, думаешь, ты самый умный? Что в спецслужбах одни дураки работают? Что мы не знаем, что «Аль-Адха» умеет противостоять нейронному сканированию? Сейчас ты мне все расскажешь. Когда ты был завербован?

– Чего? – Я искренне удивился и тут же получил смачную пощечину.

– Все! Игры кончились. Не хочешь говорить по-хорошему, будем по-плохому. Когда был завербован?

Еще одна пощечина. На этот раз я попытался закрыться, но мои руки намертво прикреплены к подлокотникам. Во мне вспыхнуло бешенство.

– Пошел на хрен! – крикнул я. – Я ничего не знаю ни об «Аль-Адха», ни о...

И получил еще один удар в лицо. Кто-то из амбалов посоветовал Царькову:

– Зуб не выбей, а то придется отмазываться. Я отчаянно выкрикнул:

– Еще один удар – и ты труп! Царьков рассмеялся:

– Говори!

– Я никогда не был завербован! Я вообще не завербован! Мне наплевать на ваши глупые игры, я ничего не знаю об

«Аль-Адха», я не умею ломать ментоскопы. Я обычный российский студент...

Еще один удар, теперь уже кулаком. Мой левый глаз начал заплывать. Я завопил:

– Ну все, блин, уроды, допрыгались! – И включил насос.

Царьков уменьшился, отдалился, стал прозрачным и исчез. В комнате воцарилась тишина.

Растрепанный молодой человек и два амбала выглядели точь-в-точь как зрители в кинотеатре. Судя по их лицам, они смотрели фильм ужасов. Амбал, сидевший в середине, пробормотал что-то нецензурное. Я отдал приказ, и защелки кресла сами собой раскрылись. Я встал и понял, что тело сильно затекло. Я потянулся, и это привело зрителей в ужас. Молодой человек сделал неуловимое движение, амбалы вздрогнули, синхронно потянулись к подмышечным кобурам, переглянулись и остались на месте. Я не понял, что произошло, но это, кажется, уже не важно.

Я повернулся, пошел к двери (никто не пытался меня остановить) и вспомнил, что просто так она не откроется, обернулся и сказал:

– Откройте.

Молодой человек медленно ответил, кажется, он боялся делать резкие движения, даже повышать голос:

– Дверь заблокирована. В здании тревога. Вам не уйти.

Я усмехнулся. Забавно, что он обратился ко мне на «вы». Как мало надо сделать, чтобы тебя начали уважать, – всего

лишь убить человека на глазах у собеседника.

Я сел обратно в кресло, из которого так хотел вырваться минутой назад, и спросил:

– Ну и что будет дальше?

Мои собеседники промолчали. Судя по тому, как они одновременно отвели взгляд, предусмотрена какая-то стандартная процедура на этот случай. Например, в комнату подается усыпляющий газ. Я решил, что не буду проверять, верно ли это предположение. Я телепортировался.

* * *

Секунду назад я сидел в подвале ФР, и вот мир расплылся, краски выцвели, все стало однотонно-серым, белесые огоньки, черные пятна, все колыхается, вращается и переливается. Я знаю, что это место называется «центр вечности», но не знаю, откуда я это знаю. Успел подумать, что не указал точку назначения, но сквозь ускользающую сероту уже проступили краски реального мира, и сразу узнал, где нахожусь, – я стоял посреди своей комнаты.

Мир еще не успел обрести все многоцветье, а я уже понял, что в интерьере моей комнаты кое-что неправильно. Незнакомый мужчина сидел на корточках перед моим письменным столом и с явным любопытством заглядывал в выдвинутый нижний ящик. Он не видел меня, он сидел спиной ко мне, и я не видел его лица, но во всей его позе было нечто такое,

будто незнакомец не роется в чужом столе, а выковыривает алмазы из стен шахты, больше всего на свете боясь расколоть очередной извлекаемый камень. Я оглянулся.

На стуле у противоположной стены сидел Женька – мой сосед, музыкант из оркестра детского театра. Он глядел на меня и глупо моргал, как лягушка в рекламе средства для улучшения пищеварения. В дверном проеме, прислонившись плечом к косяку, стоял мой отец. Я успел уловить смену выражений на его лице – вначале печально-потерянное удивление, затем внезапный и невидимый бросок адреналина в кровь, и вот передо мной совсем другой человек. Два быстрых взгляда налево и направо, затем неуловимый жест рукой. Этот жест явно обращен ко мне и означать он может только одно – немедленно возвращайся, откуда пришел. Одновременно плечо отделяется от косяка, туловище приобретает вертикальное положение, ноги слегка сгибаются в коленях, руки обманчиво расслабляются – папа что, собрался драться с ментами? Я знаю, он меня любит, любой нормальный отец любит своего сына, и я помню, что он раньше имел какой-то пояс у-шу, но драться с ментами? Из-за меня? Он же уверен, что я совершил преступление, менты обязаны были показать ему ордер, он знает, что меня обвиняют в преступлении первой степени. И в любом случае, если твоего сына повязали менты, пусть даже и ни за что, каждый знает, что бороться за родную кровиночку надо не так – следует нанять адвокатов, напрячь старые связи среди многозвезд-

ных генералов, в конце концов дать взятку кому надо. Но эта боевая стойка... знающему человеку просто невозможно не узнать ее.

Краем глаза я уловил, что человек, сидящий на корточках спиной ко мне, начал медленно разворачиваться. Видимо, почувствовал изменение атмосферы в комнате. Отец повторил свой жест, и теперь он был куда понятнее. Я подчинился.

* * *

Мир посерел и обесцветился. На мгновение меня обволокли серо-бело-черные потоки центра вечности, а затем снова возник окружающий мир.

Оказалось, что я нахожусь в квартире Маринки, в большой комнате, и что стою точно посередине между Маринкой и три-дэ-ти-ви. Маринка смотрела на меня, и было видно, что она не верит тому, что видит. Я глупо улыбнулся и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.